

СОЗДАТЕЛИ ПЕРВЫХ УЧЕБНЫХ КНИГ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ГРАМОТЕ – БУКВАРЕЙ И АЗБУК XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВВ.

FOUNDERS OF THE FIRST EDUCATIONAL BOOKS FOR ELEMENTARY TEACHING OF LITERACY – ABC-BOOKS AND ALPHABETS OF XVI th – THE FIRST QUARTER OF XVIII th CENTURIES

Агаджанов Б. В.

Библиотекарь центра образования «Европейская гимназия», г. Москва

E-mail: borislav-1@mail.ru

Agadzhanov B.V.

Librarian of the Moscow educational centre «The European grammar school»

Аннотация. В статье приводятся сведения о жизни и деятельности выдающихся представителей отечественной культуры и просвещения XVI – начала XVIII столетия, которые стояли у истоков книгопечатания в России и являлись авторами первых учебников для начального обучения грамоте: И.Фёдорове, М.Смотрицком, Ф.Прокоповиче и др.

Annotation. This article shares a data on life and activity of outstanding representatives of native culture and enlightenment of XVI – the beginnings of XVIII century, which stand at the beginnings of book publishing in Russia and were the authors of the first textbooks for elementary education of reading and writing: I. Fedorov, M.Smotriczkij, F.Prokopovich and others.

Ключевые слова. Азбука, букварь, книгопечатание, просветители.

Keywords. Alphabet, the abc-book, book printing, enlighteners

Среди выдающихся деятелей отечественной культуры и просвещения от начала книгопечатания в данной статье выделены имена творцов, которые наряду с развитием типографского дела и написанием книг духовного и просветительского содержания явились создателями первых учебных книг для начального обучения грамоте – букварей и азбук.

Букварь имеет чрезвычайно важное значение в жизни человека. Часто он является первой книгой, которую маленький ребёнок начинает самостоятельно изучать. Ребёнок с помощью букваря учится читать и писать, тем самым, поднимаясь в своём знании родного языка на новую, более высокую ступень. Именно занятия с букварём позволяют ребёнку ясно и окончательно осознать свою принадлежность к родному языку и родной культуре. Букварь развивает логическое мышление ребёнка, что существенно повышает уровень его интеллекта и является значительным шагом в формировании его индивидуальности, способствует развитию эстетических взглядов ребёнка, помогает ему правильно воспринимать окружающий мир во всей его многообразной красоте. Букварь также незаменим для духовного воспитания маленького человека, формирования морально-нравственных и гражданских качеств личности. Букварь существенно расширяет эрудицию ребёнка, даёт начало многим знаниям, которые и выводят ребёнка на дорогу, ведущую к взрослой, самостоятельной жизни.

Кроме того, букварь – это не только средство образования и обучения подрастающего поколения, но и документ материальной культуры, научного и исторического значения. Ведь, букварь, в специфичной, только ему присущей сжатой и ограниченной по размеру форме отражает главные стороны жизни страны на определённом этапе времени. Изучая букварь, можно ясно увидеть основные идейно-политические взгляды общества, состояние его духовного и нравственного здоровья, положение различных слоёв населения, отражение повседневной жизни и быта народа, его этнографических особенностей, развитие национального языка и литературы, сведения по истории национального книгоиздания. Таким образом, букварь является важнейшим источником культурных, научных и исторических сведений о человеке, обществе, государстве.

Буквари появляются в результате творческой деятельности конкретных индивидуумов – их авторов. Автору должен быть высококлассным специалистом в области родного языка и литературы, компетентным методистом и опытным педагогом, обладать значительными познаниями в детской психологии и возрастной физиологии. Кроме того, не менее значимым является наличие у авторов, высоких морально-нравственных качеств, как личностного, так общественно-гражданского характера. Иначе говоря, автор должен обладать гармоничным сочетанием интеллекта, опыта и духа. В данной статье предпринята попытка изучения личности авторов букварей XVI – первой четверти XVII веков, их жизни, деятельности и творчества и их роли в просветительской, педагогической, литературной, церковной, общественно-политической жизни.

В нынешнее время чрезвычайно актуальной является проблема взаимоотношений между тремя братскими восточнославянскими народами – русским, украинским и белорусским. Все без исключения авторы азбук и букварей всей своей деятельностью ярко продемонстрировали, что считают восточных славян едиными в культурном, духовном и политическом отношении и внесли существенный идеологический вклад в их последующее объединение и гармоничное сосуществование. Они рассматривали русский, украинский и белорусский этносы как части единого целостного национального организма. Все три народа представляют собой единое целое в культурном, языковом, религиозном и духовном отношении. Объединению трех народов посвятили свою жизнь русские Иван Федоров, Василий Бурцов, Карион Истомирин, Федор Поликарпов, белорусы Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Спиридон Соболев, Симеон Полоцкий, украинцы Тимофей Вербицкий, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович.

Слова «азбука» и «букварь», употребляются в данной статье как синонимы в значении «учебные пособия, предназначенные для первоначального обучения грамоте, как детей, так и взрослых, ранее не владевших чтением и письмом». Название «азбука» вошло в употребление в книжном деле гораздо раньше названия «букварь», ещё в допечатный период, и происходило от первых двух букв славянского алфавита «аз» и «буки, что, в свою очередь, шло от греческого «альфа» и «вита» («бета»). «Азбука» обозначала, в то время как учебное пособие для овладения грамотой, так и просто написанный от руки славянский алфавит. Данный термин в первом своём значении перешёл в 1574 и на печатную книгу. Название же «букварь», первоначально «употреблялось в значении «книжник», «грамотей», то есть относилось не к книге, а к человеку» Лишь в XVII веке название «букварь» начинает получать широкую известность. Первой книгой, названной букварём, стало учебное пособие М. Смотрицкого, напечатанное в 1618 году на территории Речи Посполитой. Непосредственно в России название «букварь» было усвоено лишь в ходе религиозных реформ патриарха Никона начиная с 1667 года.

С этого времени данные названия стали употреблять дифференцированно. Под азбукой стали понимать рукописные и печатные пособия небольшого объёма, имевшие форму листка или таблицы и предназначенные преимущественно для обучения письму. К букварям же стали относить расширенные пособия, предназначенные преимущественно для обучения чтению, имевшие исключительно форму печатной книги с объёмом в десятки страниц и включавшие значительный учебный материал. Такой подход к названиям учебных грамматических пособий доминировал до начала XVIII века, пока в 1710 году печатные учебники вновь не стали называть азбукой. С этого времени оба названия являются, по сути, синонимами – и азбука, и букварь, в большинстве случаев, практически не отличаются друг от друга. Учебные пособия, упомянутые в статье, имеют и то, и другое названия. Причём, в ряде случаев учебники не имеют титульного листа и, соответственно, точного названия. Поэтому название азбука или букварь даётся, в значительной степени, исходя из общепринятых названий того или иного временного периода. Кроме того, следует упомянуть, что небольшое количество учебников для начального обучения грамоте, аналогичных по содержанию азбукам и букварям, носили название «грамматика».

Под русскими азбуками и букварями подразумеваются книги, напечатанные на церковнославянском языке русского извода – едином литературном и богослужебном языке восточных славян (то есть русских, украинцев и белорусов) независимо от того, были ли они изданы на территории непосредственно Московской Руси или же на территории польско-литовского государства.

На протяжении рассматриваемого периода времени буквари печатались очень часто, постоянно переиздавались, выходили большими тиражами и по весьма низким ценам, так как они «были рас-

считаны на обслуживание всех регионов государства и всех социальных слоёв общества» Однако, несмотря на значительное количество напечатанных экземпляров, число сохранившихся до наших дней азбук и букварей невелико. Так, целый ряд учебников сохранился лишь в единичных экземплярах – 1-2 из нескольких тысяч выпущенных, а некоторые буквари не сохранились вовсе, и о них остались лишь упоминания. Поэтому точный подсчёт количества изданных за 150 лет букварей вряд ли возможен. В разных источниках фигурируют различные цифры. Причём цифры в исследованиях с течением времени существенно меняются в сторону увеличения. Так, по подсчёту В.С. Сопикова, до конца XVII века было напечатано 19 букварей, по данным, приведённым Е.А. Кузьминовой – более 40. Количество букварей, изданных в XVII веке на Московском печатном дворе, оценивается С.П. Лупповым в 8 изданий, а И.В. Поздеевой – в 16. По нашим подсчётам, в период с 1574 по 1724 годы было напечатано около 90 изданий азбук и букварей. Из них примерно 10% приходится на XVI век, примерно 50% на XVII век и примерно 40 % на первую четверть XVIII века. Около 60 % учебников вышло на территории Русского государства, остальные на западнорусских землях, входивших в то время в состав Речи Посполитой. Всего в печатании букварей приняло участие 19 типографий, принадлежавших государству, монастырям и частным лицам и расположенных в 13 городах. Точные тиражи букварей доподлинно неизвестны, но исходя из того, что, к примеру, в XVII веке на Московском печатном дворе средний тираж одного завода составлял 1200–2400 экземпляров то можно говорить о сотнях тысяч книг.

В настоящее время, безусловно, подтверждено авторство 11 человек, написавших 12 букварей. Это Иван Фёдоров, Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий, Тимофей Вербицкий, Спиридон Соболев, Василий Бурцов, Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Фёдор Поликарпов, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович. Именно их жизнь и деятельность, их внушительный вклад в отечественную культуру и просвещение и рассматривается в данной статье. Творчество тех деятелей культуры и просвещения, чьё авторство не подтверждается весомыми доказательствами, например, таких как Епифаний Славинецкий и Афанасий Пузина, в настоящем исследовании не рассматриваются. Буквари перечисленных безусловных авторов вышли 39-ю изданиями в 11 типографиях 9 городов, расположенных на территориях нынешних Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Литвы: И. Фёдорова во Львове и Остроге у князя Константина Острожского; Святодуховского братства в Вильне и Евью; Т. Вербицкого в Киеве; С. Соболя в Кутейно; Могилёвского Богоявленского братского монастыря в Московском печатном дворе; Верхней типографии в Москве; Петербургской синодальной и Петербургского Александра-Невского монастыря.

Создатели букварей всегда могли привлечь на свою сторону сильных мира сего. Их горячая убеждённость в правильности поставленной цели, искреннее стремление распространить по всей русской земле семена просвещения, первоклассная образованность и умение вести правильные речи, производили на власть предрежащих неизгладимое впечатление. И они не только обеспечивали просвещение и книгопечатание необходимыми средствами, но и, что было в то время не менее значимым, предоставляли им значительную политическую поддержку. Гетман Григорий Ходкевич, князь Константин Острожский, Богдан Огинский, Богдан Статкевич, митрополит Иов Борецкий, государи Алексей Михайлович и Фёдор Алексеевич – вот далеко неполный список тех, кто благоволил книгопечатному и просветительскому делу.

«Друкарь книг пред тем невиданных» (Иван Фёдоров)

Иван Фёдоров (около 1510–1583) – это имя в истории русского книгопечатания, русской культуры, русского просвещения гораздо больше, чем просто имя. Вклад его в нашу жизнь колоссален. Ведь, открывая сейчас любую отечественную книгу, мы прекрасно понимаем, что обязаны этим замечательным подарком для разума и сердца именно Ивану Фёдорову. Однако, к огромному сожалению, о жизни этого замечательного человека известно гораздо меньше, чем бы хотелось знать благодарным потомкам. Особенно это касается первой половины жизни первопечатника. В настоящее время сведений о дате и месте его рождения, а также о происхождении его семьи нет. Существуют только предположения о том, что Иван Фёдоров родился в простой семье [8, с.14]. Версии о его аристократическом происхождении не подтверждаются.

Фёдоров, видимо, с самого детства был очень образован, начитан и знал иностранные языки. Иначе трудно объяснить его обучение в одном из лучших университетов Европы тех времён – Краковском. Опять же прямых доказательств учёбы Ивана Фёдорова в Кракове нет, но существующих косвенных сведений вполне хватает для подтверждения данного факта. Одним из подтверждений отличного, в том числе и университетского образования Фёдорова является то, что позднее он был взят на службу в «престижную», говоря современным языком, кремлёвскую церковь Николая Гостунского. Эта церковь была широко известна всему московскому люду своей чудотворной иконой. Версия об обучении Фёдорова в Кракове позволяет объяснить многое в его жизни кажущееся непонятным. Так, совершенно очевидно, что первопечатник не мог так быстро и хорошо научиться своему искусству в 50–60-е годы в Москве. Для того, чтобы добиться выпуска столь замечательных книг, Фёдоров должен был иметь довольно большой опыт работы в крупной типографии. Как раз такие типографии и были в Кракове, и они поддерживали тесные связи с университетом.

Затем наступает полностью неизвестный период в жизни первопечатника продолжительностью около 20 лет. Предполагается, что Фёдоров уже в конце 40-х – начале 50-х годов XVI века ввиду своей учёности и образования, а также принадлежности к кремлёвской церкви был близок к «Избранной раде». В первую очередь, – к Сильвестру, а также к митрополиту Макарию, то есть к тем людям, которые и были идейными вдохновителями книгопечатания на Руси. Кроме того, Фёдоров был хорошо знаком с Максимом Греком. Исследователи считают, что именно через Грека, ученика Альда Мануция и попали к Фёдорову итальянские названия многих типографских процессов и материалов, перешедших затем во всё русское книгопечатание.

Также отсутствуют какие-либо чёткие сведения о деятельности в Москве так называемой «анонимной типографии», которая выпустила 7 книг в период, предположительно с 1553 по 1565 годы. Эти анонимные, без указания выходных данных, издания, были известны историкам книги уже свыше ста лет. Однако, до сих пор неизвестны точное время их изготовления, место расположения и статус типографии, а также имена печатавших там мастеров. Но участие И.Федорова в выпуске книг «анонимной типографии» не подлежит сомнению. Фёдоров считал, что донесение до людей печатного слова – это его миссия, данная высшими силами, что он должен положить все свои силы на эту благородную цель. Кроме того, достаточно высокий уровень полиграфического искусства этих анонимных изданий говорит о том, что типографским процессом руководил опытный и знающий печатник, а на эту роль как раз и подходит Иван Фёдоров. Ещё одним аргументом в пользу данной версии служит тот факт, что в последнем «анонимном» издании «заставка является заимствованием с заставки Ивана Фёдорова». [7, с. 25]

Итак, «анонимная» типография напечатала 7 книг предназначенных для богослужебных целей. Причём, печатались они в весьма значительных количествах, и поэтому до наших дней сохранилось достаточно большое число экземпляров. К этому времени, в 1563 году по приказу царя Ивана Грозного в Москве открывается государственная типография. Средств на государево дело не жалели. Фёдоров и его соратник по типографскому делу «клевет» Пётр Мстиславец приступили к печатанию знаменитой, русской книги – «Апостол». 11 марта 1564 года печатание книги было закончено. В русской культуре и просвещении началась новая, ранее невиданная эпоха. Эпоха мысли и слова, облечённая в печатную форму. Эпоха, давшая возможность каждому русскому человеку приобщиться к сокровищнице мирового разума, духа и искусства. «Апостол» был издан очень большим по тем временам тиражом – около 2000 экземпляров. Он выполнен на очень высоком полиграфическом уровне. Пропорции книги строги и тщательно выверены. Шрифт крупный, ясный и чёткий. Двухцветная чёрная и красная печать гармонично сочетаются. Богато художественное убранство Апостола – «гравированный на дереве фронтиспис, 48 заставок, отпечатанных с 20 досок, 22 буквы, 54 рамки, 24 строки вязи...» [8, с. 104]. Красота изображения апостола Луки на фронтисписе просто поражает воображение.

Талант Ивана Фёдорова был поистине универсален. Почти всё в типографии он делал собственными руками, выполнял все необходимые типографские процессы на всех этапах печатания книги от первой до последней стадии. Он сам проектировал и разрабатывал станы, находил нужные пропорции для получения высокого качества краски, изготавливал пунсоны и матрицы, отливал шрифт, вычерчивал эскизы будущих букв, рисовал картины и заставки, а затем вырезал их на

дереве. В работах Федорова гармонично сочетаются знание уже сложившихся к тому времени западноевропейских способов печати с существовавшими долгие столетия приёмами русской рукописной книги. Для Фёдорова не существовало ни отрицания всего чужого и незнакомого, ни презрения к якобы уже устаревшему и ненужному своему. Кроме того, первопечатник постоянно вносит свои собственные инновации. Он не боится экспериментировать, применять невиданные до сих пор, даже в чём-то дерзкие способы, идти наперекор уже устоявшимся консервативным методам. Ибо книга для Фёдорова – это, прежде всего, творчество, свободный полёт, ничем не ограниченных, разума и духа.

Федоров успел напечатать в Москве ещё 2 книги – Часовники 2-х изданий. На этом деятельность первопечатника в Москве завершилась. Ему и Мстиславцу пришлось срочно покинуть столицу. В чём была причина их неожиданного отъезда до сих пор неизвестно. У исследователей существуют разные, порой полярные, точки зрения. На наш взгляд, наиболее реальным представляется версия о преследованиях печатников со стороны консервативно настроенного духовенства. Те считали, что книгопечатание есть ересь, так как нельзя божественные слова, облакаемые получающим откровение свыше переписчиком-монахом в рукописную форму, изображать с помощью бездушного механического стана. Кроме того, люди должны быть в массе своей невежественны, ибо знание порождает сомнение, а сомнение – ересь. Скорее всего, к духовенству присоединились переписчики рукописных книг, прекрасно понимавших, какой удар массовое книгопечатание нанесёт их ремеслу.

Фёдоров и Мстиславец вынуждены были покинуть родные пределы и отправиться в Литву. Фёдоров, спустя несколько лет, с горечью говорил о «презельном озлоблении, зависти, превращении благое во зло, ненависти и неискренности в разуме, погублении божьего дела» [8, с. 111–112]. Конечно же, необходимость для печатника покинуть свою родину, бросить только что открывшееся и только начавшее приносить свои первые плоды дело, было страшным ударом. Но Фёдорову удалось увезти с собой значительную часть типографских материалов, в первую очередь, матрицы и доски для гравирования. И первопечатник продолжает проводить в жизнь свои далеко идущие замыслы, касающиеся исправления рода человеческого через получение им книжного знания.

Фёдоров явно обладал даром, или даже талантом убеждать. Для того, чтобы открыть свои типографии ему приходилось получать поддержку богатых и влиятельных людей. И Фёдоров находит возможность убедить и гетмана Ходкевича, и князя Острожского в необходимости создания типографии. Он смог также убедить простых горожан Львова предоставить ему средства. Сам первопечатник часто жил в бедности, но главное для него было именно книгопечатание.

Фёдоров был не только великим типографом, но и человеком, имевшим талант педагога и просветителя. В Остроге усилиями князя Константина сложился уникальный учёный кружок, состоящий из выдающихся литераторов, учёных и педагогов тех лет. Возглавлял этот кружок Кирилл Лукарис, будущий Константинопольский патриарх. Была открыта школа, во главе которой стоял известный педагог Герасим Смотрицкий. Фёдоров, несомненно, принимал активное участие в работе этого учёного кружка, особенно тех дел, что касались нового издания Библии. Была проделана колоссальная работа по её исправлению и переводу. И в 1581 году шедевр русского книгопечатания – Острожская Библия увидела свет. Типографская работа Фёдорова потрясла своей красотой, продуманностью, чёткостью и аккуратностью. И спустя четыре века современного читателя охватывает иррациональный трепет, когда он берёт в руки эту бесподобную вещь.

Первое русское печатное пособие для начального обучения также является порождением таланта Ивана Фёдорова. В 1574 году во Львове была напечатана знаменитая «Азбука». Второе издание «Азбуки» было выпущено в 1578 году в имени Князя Острожского в Остроге. Именно Фёдоров выработал универсальную структуру книги и наполнил её конкретным содержанием. И эти творческие находки использовались авторами русских азбук и букварей на протяжении столетий. Можно даже говорить о том, что фёдоровские учебники на два с лишним века стали прототипом многих российских азбук и букварей». Но на протяжении значительного количества времени о них было ничего неизвестно, и только в 50-60-х годах XX века они были введены в научный оборот. Количество выпущенных Азбук точно не определено, но учёные предполагают, что тираж был приблизительно 2000 экземпляров. Азбука построена на буквослагательном способе обучения грамоте. В начале своих учебников Фёдоров расположил алфавит, затем двух и трёхбуквенные

слоги. Далее приводятся сведения из грамматики, особое внимание при этом уделяется глаголам, для которых размещена даже специальная таблица. Также рассказывается об ударениях и частях речи. Заключительная часть состоит из тщательно подобранных наставлений из Священного писания. Эти наставления говорят о гуманистическом подходе Фёдорова к процессу обучения, стремлению к тому, чтобы образование ребёнка было неразрывно связано с его воспитанием в духе христианской любви и взаимопомощи.

Судьба была весьма сурова и несправедлива к русскому первопечатнику. Отказавшись от спокойной и богатой жизни, ради того, чтобы «рассеивать духовные семена во Вселенной», Фёдоров был практически забыт на очень долгие годы. В лучшем случае о нём вспоминали, как о способном мастере, умельце, выполнявшем сугубо технические функции. Многие не могли представить, чтобы ремесленник мог самостоятельно писать великолепные, полные замечательного литературного таланта, послесловия к выпущенным книгам. В 1909 году большое количество москвичей под проливным дождём собралось на открытии памятника первопечатнику – «первому мученику русской печати».

«Словеснейша дидакал и вития» (Лаврентий Зизаний)

Лаврентий Зизаний (Тустановский) (год рождения неизвестен – около 1634) происходил из богатого аристократического рода Тустановских. За свою жизнь Зизаний сумел добиться большой известности в качестве педагога, богослова, просветителя, книгоиздателя, литератора. Кроме того, он провёл многие годы в жёсткой и бескомпромиссной борьбе, направленной на защиту православной веры и традиций восточнославянских народов, которых он считал единым духовным и культурным целым. Лаврентий и его брат, знаменитый богослов и полемист Стефан, получили очень хорошее образование. Скорее всего, они учились в Острожской школе, которая по уровню преподавания и подготовке учителей «была не ниже учебных заведений Западной Европы» [2, с. 85]. Есть также предположения, что братья продолжили своё обучение в иезуитском колледже в Ярославле. После завершения учёбы Лаврентий стал «дидакалом» (учителем) церковнославянского и греческих языков. Выпускников Острожской школы, как правило, отправляли работать на ниве просвещения и богоугодных дел, а именно, в школы, типографии и больницы. Как раз в это время, после 1584 года в крупных городах Украины, Белоруссии и Литвы стали открываться так называемые «братские школы». Они существовали при «братствах» – общественных организациях православных горожан. Братства в этих краях возникли довольно давно. Но ранее они существовали исключительно с религиозной целью, а также для того, чтобы заниматься лишь в небольшом объёме благотворительностью.

Позднее же начали возникать в Западной России такие братства, которые желали служить всей Церкви православной, способствовать распространению просвещения в русском народе. И при этих братствах нового типа стали одна за другой открываться школы. Самыми крупными и известными из них были: Львовская, Виленская, Могилёвская, Киевская, Луцкая, Брестская, Полоцкая. Очень быстро они превратились в крупнейшие центры русского православного просвещения и культуры. Каждая школа имела свой устав. Школой руководил ректор, которого на демократических началах избирали все члены городского братства. В соответствии с уставом преподаватели школы пользовались весьма значительной свободой и самостоятельностью, особенно при определении объёма урока. Обучение в них осуществлялось опытными педагогами по оригинальной методике, которая была весьма продумана и целенаправленна. Огромное значение наряду с обучением придавалось в братских школах воспитанию учеников. Их воспитывали в духе искренней любви к родной вере, языку и культуре, а также в горячем стремлении отстаивать их на протяжении всей своей жизни. Братские школы подразделялись на 2 ступени – старшую и младшую. В школах обучали языкам – церковнославянскому, греческому, латинскому, польскому, а также классическим «*Semptem Artes Liberales*» – семи свободным искусствам, состоявшим из «*trivium*» – грамматики, диалектики и риторики на младшей ступени и «*quadrivium*» – арифметики, геометрии, музыки и астрономии на старшей ступени. Причём, преподавание риторики в братских школах приняло весьма «своеобразный характер церковной проповеди, или духовного красноречия» [2, с. 63].

Именно в таких школах и работал Зизаний учителем: сначала в Львовской, потом в Брестской и Виленской. Он прекрасно понимал, что даже самые замечательные преподаватели не в состоянии распространить знания вширь, среди народных масс. Для этой цели необходимы хорошие, профессионально написанные учебники, изданные большими тиражами. И поэтому Зизаний в 1595 году едет в Вильно, город, славный своими книгопечатными традициями. К этому времени там уже открылась типография Святодуховского братства, уникальнейшее печатное предприятие, выпускавшее книги вплоть до XX века! Функционирование типографии, наряду со школой и госпиталем, предусматривалось уставом братства. Типография обладала хорошим оборудованием и высококвалифицированными мастерами. Можно предположить, что Зизаний к тому моменту был уже опытным преподавателем, а также, что он заранее разработал и подготовил свои учебники. Иначе трудно объяснить тот факт, что уже в феврале 1596 года в братской типографии выходит его знаменитая «Грамматика славенского языка», а спустя год и «Азбука».

При составлении своего пособия для начального обучения грамоте Зизаний в значительной степени опирался на опыт Ивана Фёдорова. Однако его работа носила характер самостоятельного творчества. Азбука Зизания, имевшая название «Наука к читанью и розуменью писма славенского», состояла из грамматического раздела (алфавит, слогосочетания, примеры склонений), текстов из Священного Писания, а также 2-х дополнительных оригинальных разделов.

В работе над Азбукой принял самое активное участие брат Лаврентия Стефан – страстный православный полемист и оратор, и будущий ректор Львовской братской школы. Им было написано «Изложение о православной вере» предназначенное для детей, с целью выработки у них «определённого взгляда против католической экспансии» [2, с. 69]. Это «Изложение...» пользовалось большой популярностью в западнорусских землях, так, оно было напечатано в Букваре М. Смотрицкого 1618 года.

Сам Лаврентий разработал для Азбуки свой уникальный по охвату словарь, под названием «Лексис». При его составлении Л. Зизаний исходил из того, что для правильного понимания и изучения текстов из Священного Писания, толкования встречающихся там многочисленных незнакомых слов необходим словарь, который мог дать ученикам определённые знания об окружающем мире, объяснить им новые термины. Кроме того, была поставлена более объёмная задача – помочь ученикам овладеть простым народным языком, на котором говорили широкие массы. Зизаний использовал для этой цели, в первую очередь, опыт Франциска Скорины по толкованию слов, а также обращался к русским рукописным азбуковникам, латинским и греческим первопечатным словарям. Кроме того, были задействованы сочинения Аристотеля и Мартина Бельского. Всего при объяснении было использовано свыше 2000 слов из различных областей знаний. «Лексис» Зизания был очень популярен и активно использовался в последующие годы. Так, П. Берында положил его в основу своего знаменитого «Лексикона» 1627 года.

Другой знаменитый учебник Зизания – «Грамматика». До «Грамматики» Зизания в западнорусских землях выходили 2 подобных пособия – в 1586 году в Вильне и в 1591 году во Львове, но они были крайне несовершенны. «Грамматика» Зизания, состоявшая из 4-х частей, широко использовалась при обучении в братских школах. До 1619 года, то есть до появления «Грамматики» М. Смотрицкого, книга Зизания была основным пособием для занятий грамматикой на более продвинутом, не начальном уровне. «Грамматика» Зизания была написана очень простым и понятным языком, также была удобна в изучении, так как была построена в форме вопросов и ответов.

Жизнь просветителя была крайне тяжела в материальном плане, он очень бедствовал и поэтому вынужден был часто переезжать с места на место. Кроме того, значительно усилились препятствия, чинимые русскому образованию и книгопечатанию со стороны польских властей. Поэтому в 1619 году Зизаний принял приглашение архимандрита Киево-Печерской Лавры Епифания Славинецкого и переселился в Киев. Он стал активным членом так называемого «учёного кружка» при Лавре, в который входили известнейшие учёные, писатели, книгоиздатели. Одновременно Зизаний преподаёт греческий язык в Киевской братской школе и работает справщиком в знаменитой типографии Лавры. Совместно с П. Берындой, Киприаном и З. Копыстенским он осуществил труднейший перевод с греческого языка сочинения Иоанна Златоуста «Беседы на 14 посланий апостола Павла».

Основной задачей жизни Зизания считал духовное и культурное единение с истинным центром русской жизни – Московской Русью. Поэтому в 1627 году Зизаний едет в Москву с целью издать там свой «Катехизис». Книга была представлена на одобрение царю Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету. Официальные власти были уже заранее настроены против сочинения Зизания, считая, что оно содержит в себе еретические латинские неправославные взгляды. Зизаний самым достойным образом защищал свою книгу. В итоге, «Катехизис» был, наконец, допущен к печати на Московском печатном дворе. Но тираж так и не был никогда выпущен в продажу и не дозволен для употребления верующими. От него сохранилось всего несколько экземпляров.

Последнее же упоминание о Лаврентии Зизании в документах датировано февралём 1634 года. Мы не имеем больше сведений о дальнейшей судьбе этого замечательного человека.

«Первый российский грамматик» (Мелетий Смотрицкий).

Знаменитый полемист, проповедник, церковный деятель и учёный Мелетий (Максим) Герасимович Смотрицкий (около 1580 – 1633) родился в знатной шляхетской семье. Его отцом был знаменитый ректор Острожской школы, сподвижник Ивана Фёдорова, уже упоминавшийся в нашем исследовании, Герасим Данилович Смотрицкий. Несомненно, природа в данном случае не стала, как принято говорить, «отдыхать на детях», и все таланты отца передались сыну. Мало того, они существенно усилились и приобрели чрезвычайно яркий характер. Можно полностью согласиться с биографом Смотрицкого, который ещё в начале XX века писал: «Жизнь этого выдающегося во многих отношениях человека до такой степени замечательна, и та роль, которую ему пришлось сыграть в истории..., так значительна, что изучающему эпоху конца XVI – начала XVII столетий невозможно не коснуться деятельности его...» [10, с. 1] Смотрицкий обладал невероятно горячим, трепетным сердцем, которое не могло спокойно выносить картин зла и несправедливости, и поэтому, постоянно звало его на яростную и бескомпромиссную борьбу, не терпящую отдыха и остановок. И одновременно, Смотрицкий обладал глубоким, рассудительным, аналитическим умом, который позволял ему спокойно, трезво и объективно искать общую и единую для всех Истину. Сочетание таких, в значительной степени, противоположных черт характера и определили во многом его судьбу и жизненный путь.

Мелетий (вернее, тогда ещё Максим) получил под руководством своего отца замечательное по тем временам образование. Он отлично владел церковнославянским, греческим и латинскими языками, хорошо разбирался в славянской грамматике. Но неутомимая страсть к знаниям не позволяла Смотрицкому остановиться на достигнутом, и он решил продолжать своё обучение. Смотрицкий поступает в Виленскую иезуитскую коллегию. Иезуитские учебные заведения на тот момент считались лучшими в Европе, и Смотрицкий блестяще оканчивает коллегию. Он поступает работать домашним учителем к сыну богатого и влиятельного князя Соломерецкого, сменив на этом посту Лаврентия Зизания, а затем в качестве сопровождающего едет вместе с княжичем в Европу, где продолжает совершенствовать свои знания в протестантских университетах Лейпцига, Виттенберга и Нюрнберга. Встречи с европейски образованными, свободномыслящими людьми произвели на молодую душу Мелетия поистине неизгладимое впечатление. Именно с их помощью он приобщился к пониманию той мысли, что все люди братья друг другу во Христе, а всякая религиозная вражда и нетерпимость бессмысленна и безнравственна.

Возвратившись из просвещённой, реформируемой Европы в родные западнорусские земли, Смотрицкий увидел, каким страшным гонениям подвергается здесь православная вера и древние обычаи предков. К этому времени польское правительство и католическая церковь обрушили массовые репрессии на православных граждан. Так, в Вильне у «православных были отобраны все церкви и монастыри и переданы латино-униатам» [10, с. 21]. Глубоко поражённый возмущённый таким развитием событий Мелетий под псевдонимом «Феофил Ортолог» (Боголюб Златоустый) пишет первое своё религиозно-полемическое сочинение «Фринос или плач Восточной церкви» сразу же ставшее знаменитым. Популярность «Фриноса», проникнутого глубочайшей любовью и сочувствием к гонимой родной вере, у православных была столь велика, что книгу берегли, как сокровище, и завещали её своим детям, как драгоценное наследие. Смотрицкий стал сразу же пользоваться огромным уважением и авторитетом среди православной паствы. «Фринос», напи-

санный на отличном польском языке с использованием многочисленных восточных и европейских источников вызвал самое настоящее бешенство среди католических и униатских полемистов, и они в ответ пишут целый ряд «противосочинений», которые должны были уменьшить вред, нанесённый Смотрицким делу унии. Но даже они всегда признавали глубокий интеллект, высочайшую эрудицию и огромный литературный талант автора «Фриноса».

Смотрицкий тем временем продолжает писать ряд острых полемических работ, направленных против католической экспансии и в защиту православия и родного языка. Одновременно он добивается серьёзных успехов на педагогической ниве. Так, в течение нескольких лет Смотрицкий преподавал на латинском языке свободные науки в Виленской братской школе, а затем был учителем в Острожской школе. Спустя всего лишь некоторое время слава Смотрицкого как педагога была уже столь велика, что ему предложили должность ректора только что созданной Киевской братской школы, будущей знаменитой Киево-Могилянской академии. Смотрицкий сразу же мастерски организовал учебный процесс. В программу школы входило изучение «предметов семи свободных наук», также очень большое значение придавали изучению церковнославянского и греческого языков. Эти языки выступали как литературные языки большого православного ареала, являлись средством культурного общения между восточными и южными славянами.

Смотрицкий окончательно решает посвятить свою жизнь духовному совершенствованию и принимает постриг под именем Мелетия. Очень скоро знаменитый Виленский Святодуховский монастырь, один из главных оплотов православия в западнорусских землях выбирает его своим наставником. Заслуги Смотрицкого в деле защиты православной веры и популярность его среди простого люда была так велика, что в 1620 году собор православных иерархов в Киеве избрал Мелетия архиепископом Полоцким, епископом Витебским и Мстиславским, а рукоположил его в сан сам Иерусалимский патриарх Филофей. Приход Мелетия на архиепископскую кафедру в Полоцке, требовавший, кстати, немалого мужества из-за правительственных репрессий, вызвал у притесняемых православных колоссальный подъём духа. Одновременно Мелетий не перестаёт издавать свои острополемические сочинения. Кроме того, он проявляет себя, как замечательный и красноречивый проповедник, произнеся речь над гробом знаменитого православного Виленского архимандрита Леонтия Карповича. «Казанье на честный... погреб Карповича» до сих пор считается одним из лучших образцов церковных проповедей. Католическая церковь в ответ объявила Смотрицкому анафему и подвергла его гонениям, а польское правительство обрушило на православных невиданные ранее по жестокости репрессии. Однако, Мелетий не прекращает борьбы и пишет новые гневные обличительные сочинения. Но, очень скоро, ему из-за серьёзных опасений за свою жизнь пришлось бежать в Киев. В Витебске православный люд убил известного своей жестокостью и фанатизмом униатского епископа Кунцевича. Власти жестоко расправились с выступавшими, а Смотрицкого совершенно несправедливо обвинили в подстрекательстве к убийству. Прибыв в Киев, Смотрицкий затем совершил длительное паломничество на Восток, внимательно изучив положение тамошних православных церквей.

Как уже отмечалось ранее, Смотрицкий, несмотря на свою многолетнюю активную деятельность по защите православия от католической экспансии, никогда не был догматически ограниченным человеком, способным считать верной лишь одну ветвь христианства. Он искренне считал, что христианство едино по своей сугубо человеколюбивой природе, что в нём «нет ни еллина, ни иудея», и божественный свет истины доступен любому христианину. А поэтому разделение единой христианской церкви на враждующие направления совершенно ненормально. Долг каждого истинного христианина способствовать единению всего христианского мира, созданного на основе любви и понимания. Поэтому надо стремиться к диалогу, находить общий язык и православным, и католикам, и униатам. Но, как это часто бывает, мысли, и взгляды гениального человека существенно опередили своё время. Смотрицкий не был понят православной общественностью – ни иерархами, ни простыми верующими. Его обвинили в предательстве, и даже собирались убить прямо в церкви. Поэтому непонятый и преследуемый Мелетий вынужден был навсегда отойти от православия.

Таланты Смотрицкого ярко проявились не только в церковно-общественной жизни. Он, несомненно, был и способным поэтом и переводчиком. Ему принадлежат замечательные переводы западноевропейских авторов – Петрарки, Гея, Баптисты. Кроме того, Смотрицкий первым в отечест-

венной поэзии предложил вести классическое метрическое стихосложение, как это было в Древней Греции.

Но вершиной всех талантов Смотрицкого была, безусловно, его деятельность в качестве учёного-филолога. Два его замечательных учебных пособия – «Букварь» и «Грамматика» на много лет стали основными учебниками для изучения русского языка. Обе книги были напечатаны в местечке Евье (ныне Вевис) близ Вильны в имении православного князя Богдана Огинского. Именно там после очередных гонений на православие в Вильне была создана вторая типография Виленского Святодуховского братства. И в 1618 году там вышел в свет «Букварь», а год спустя «Грамматика». «Букварь языка славенска, писаний чтения учиться хотящим в полезное руковожение» был первым пособием для начального обучения грамоте, который был назван именно «Букварём», а не «Азбукой» как раньше. Сведений об авторе в букваре не имеется, а составителями учебника названы были монахи Святодуховского монастыря. Но М.Б. Ботвинник убедительно доказал, что авторство данного Букваря принадлежит именно Мелетию Смотрицкому. В частности, Букварь является кратким переложением, вышедшим год спустя Грамматики Смотрицкого, а сам её автор указывал в тексте на необходимость начального обучения грамоте с помощью специально составленного Букваря. В Букваре были творчески переработаны идеи Ивана Фёдорова и Л. Зизания. Особое место в Букваре отводится изучению глагола. Полиграфическое оформление книги явно основано на искусстве заставок и инициалов белорусского первопечатника Франциска Скорины. Букварь 1618 оказал очень большое влияние на многие вышедшие в XVII веке в Литве и на Украине анонимные учебники.

Что касается Грамматики М. Смотрицкого, изданной в том же Евье в 1619 году, то, пожалуй, найдётся мало книг, которые оказали столь мощное и долгое воздействие на российское общество. Спустя более 100 лет М.В. Ломоносов называл это сочинение «вратами моей учёности», утверждая, что именно оно подвигло его посвятить свою жизнь занятиям наукой. «Грамматика» Смотрицкого – единственная из всех сохранила своё научное значение на протяжении всего XVII века, вплоть до появления в 1755 учебника М.С. Ломоносова. Она оказала большое влияние на закрепление и установление норм церковнославянского языка, литературного языка многих славянских народов того времени. Грамматика Смотрицкого несколько раз переиздавалась: в Вильне в 1629, в Москве в 1648 и 1651 годах. А в основу Грамматик Г.Ф. Лудольфа 1696, И. Кошевича 1703, Ф. Поликарпова 1721, Ф. Максимова 1723, В. Ададунова 1731 годов во многом положен этот замечательный труд. Вот почему Мелетия Смотрицкого на полном основании можно назвать великим учёным и «первым российским грамматиком».

«Мастер художества печатного» (Тимофей Вербицкий)

О Тимофее Александровиче Вербицком (годы рождения и смерти неизвестны) из всех авторов, рассматриваемых в данной работе, осталось меньше всего сведений. Практически нам очень мало, что о нём известно. Нет данных ни о дате и месте его рождения, ни о его происхождении, ни о семье, ни о точном времени его смерти. Долгие годы считалось, что печатник Т. Вербицкий выпустил всего-навсего 2 книги. И лишь совсем недавно исследователи стали обнаруживать фрагменты разрозненных документов, с помощью которых мы постепенно стали узнавать о жизни и деятельности этого замечательного типографа, стойкого хранителя традиций Ивана Фёдорова, сумевшего передать их следующим поколениям печатников.

Т.Вербицкий работал в типографии Киево-Печерской Лавры, старейшего русского монастыря, где уже к 1621–1623 годам был высококвалифицированным и опытным печатником, которому поручали самую сложную и ответственную работу. Сама типография была открыта несколькими годами раньше, в 1616, стараниями архимандрита Елисея Плетенецкого. Плетенецкий приобрёл оборудование закрывшейся типографии в Галиции и разместил его в специально построенном здании на территории Лавры. Для бесперебойного снабжения типографии бумагой близ Киева была устроена бумажная фабрика. Дело, начатое Плетенецким, продолжили его преемники – архимандриты Захария Копыстенский и Пётр Могила. Лаврская типография выпускала большое количество продукции, выходящей весьма значительными тиражами. В основном это была православная богослужебная, богословская и полемическая литература, предназначенная для борьбы с

навязываемыми католицизацией и полонизацией. Кроме того, выпускались и научные книги, направленные на сохранение единого общерусского языка и многовековых национальных традиций. Качество печатной продукции было поднято на небывалую доселе высоту, а красота книг была просто бесподобной. Киевские печатники творчески использовали традиции Ивана Фёдорова, а также славянских мастеров Венеции.

К 1630 году типография Киево-Печерской Лавры представляла собой крупное предприятие мануфактурного типа, действовавшее на основе разделения труда. Появились профессии типограф (тередорщик), типонадзиратель (метранпаж), опытыщик (батырщик), столпотворитель (корректор), типоблюститель (хранитель шифров), складачив (наборщик), писмолеатель (словолицец), изобразитель (художник). Типографией руководили «всего типу правитель» и типокароводец. К работе в типографии были привлечены известные деятели культуры – Лаврентий Зизаний, Памва Берында, Тарасий Земка, Киприан, Иосиф Кириллович, Филофей Кизаревич. Книги лаврской типографии пользовались огромной популярностью и широко распространялись не только на востоке Украины, но и на остальных восточнославянских территориях Речи Посполитой – Западной Украине, Белоруссии, Виленском крае, а также в Московской Руси. Так, в 1624 году будущий создатель знаменитого славянского словаря типокароводец Памва Берында направился в Москву, чтобы преподнести напечатанные в лаврской типографии книги царю Фёдору Михайловичу и патриарху Филарету и просить их пожалования и милости.

Как уже отмечалось, Вербицкий к моменту своей работы в типографии уже имел значительную квалификацию и большой опыт. Вербицкий сыграл огромную роль в создании подлинного шедевра типографии Киево-Печерской Лавры, отлично выполненных в полиграфическом отношении и художественном оформлении – «Бесед Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла». Об этом свидетельствует тот факт, что в послесловии к книге, печатавшейся в течение 2-х лет, Вербицкий единственный из всех печатников назван «мастером художества печатного» [5, с. 56]

Несомненно, что приобрести такую высокую квалификацию можно было, только работая раньше и в других типографиях, кроме лаврской. И как удалось выяснить в результате исследований, именно Вербицкий был печатником знаменитой книги «Зерцало богословия», выпущенной в 1619 году в частной типографии в Рохманове. Автором книги являлся один из самых талантливых писателей того времени Кирилл-Транквиллион Ставровецкий. То, что Ставровецкий поручил Вербицкому печатать свою книгу говорит о том, что уже тогда Вербицкий считался очень хорошим мастером типографского дела. А значит, он и до того имел значительный опыт работы, скорее всего, в тесно связанных с деятельностью Ивана Фёдорова острожской и дерманской типографиях. Книга Ставровецкого сразу же после выхода в свет вызвала настоящую ярость церковных иерархов. Ставровецкий был обвинён в ереси, а его книгу запретили «покупать, читать, в церквах или дома держать» [5, с.84] под страхом отлучения от церкви.

Огромная заслуга Вербицкого заключается в том, что им были сохранены типографские материалы русских первопечатников, которые он использовал при печатании. В частности, он приобрёл типографские доски Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца. Вербицкий прекрасно понимал значение деятельности русского первопечатника и не мог допустить, чтобы его наследие пропало или не было использовано. Так, очередная поездка Вербицкого за материалами Ивана Фёдорова в Острог едва не кончилась для него трагически, он был брошен в тюрьму фанатиками-католиками, подвергся избиению и чудом остался жив.

Однако сильный и твёрдый характер печатника позволил ему уже спустя 4 месяца выпустить первую книгу в собственной типографии. Это была первая частная типография в Киеве и, вообще, на Восточной Украине. Вербицкому удалось заручиться поддержкой киевского митрополита Иова Борецкого. Иерарх ссудил крупную сумму денег для открытия типографии. Вербицкий, названный в документах «товарищем войска Запорожского», на эти средства быстро организовал производство. И уже 7 августа 1625 года в свет выходит «Часослов». В книге использовались московская заставка Ивана Фёдорова и 2 виленские заставки Мстиславца. В предисловии к книге упомянут Борецкий, у которого издатель просит защиты и покровительства. Примечателен тот факт, что в «Часослов» включены песнопения, посвящённые общерусским святым, которые одинаково читались и в Киеве, и в Москве – князьям Владимиру, Борису и Глебу, митрополитам Петру и Алексию. Это

говорит о том, что Вербицкий самым активным образом выступал за единение с Россией. Второе издание «Часослова» вышло спустя 8 месяцев, в мае 1626 года.

Как уже говорилось выше, долгое время считалось, что в частной типографии Вербицкого было выпущено всего 2 этих «Часовника». Но относительно недавно были обнаружены и другие книги. Так, выяснилось, что Вербицким в августе 1628 года был напечатан «Псалтирь изображённая», в которой использовались заставки Мстиславца из Часовника 1574 года [5, с. 69]. А в отделе рукописей Центральной научной библиотеки им. Вернадского Академии наук Украины в Киеве был найден уникальный документ – букварь, изданный Вербицким в 1627 году. Об этом букваре ранее ничего не было известно, и поэтому исследователи с полным основанием назвали его «неизвестным». К сожалению, букварь сохранился только в виде фрагментов, часть из которых существенно повреждена. Однако анализ этих фрагментов позволил сделать вывод, что Вербицкий был не только замечательным печатником, но и крупным просветителем. Букварь построен на тех же принципах, что и азбуки Ивана Фёдорова: сначала дан алфавит славянского языка, затем слоги и склонения слов. Далее идут тщательно подобранные молитвы и нравоучительные изречения из Библии, в том числе и о пользе мудрости и знания. Букварь завершается материалом, предназначенным для обучения счёту. В послесловии сказано, что букварь напечатан «во просвещение разума, возрасту младенческому на роду российскаго».

Вербицкий оказал содействие второй частной киевской типографии, открытой Спиридоном Соболю в 1628 году. В частности, Вербицкий передал Соболю доску, использовавшуюся Иваном Фёдоровым в Москве ещё при издании «Апостола» 1564 года.

Типография Вербицкого просуществовала недолго, всего около 4-х лет. Но она сыграла значительную роль в распространении книгопечатания не только на Украине, но и на территории современных Румынии и Молдавии.

После 1628 года Вербицкий возвращается в типографию Киево-Печерской Лавры. Спустя несколько лет он участвует в выполнении крайне важной международной просветительской миссии. Идя навстречу просьбам молдавского господаря Матея Бессараба о помощи в возобновлении местного книгопечатания, киевский митрополит Пётр Могила отправляет в Валахию типографию с полным набором оборудования и материалов. Вместе с типографией едут и искусные типографы во главе с Вербицким. В 1635 году в городе Долгополе (Кымполунге) впервые после 1588 была напечатана книга – «Требник». Это было очень важным событием, направленным на укрепление православной веры в этих местах и установление тесной духовной и культурной связи с русскими землями. В «Требнике» Вербицкий использовал материалы из своих киевских изданий. Вербицкий передал свои материалы местным печатникам, и они использовались в изданных там книгах вплоть до начала XVIII века. Впоследствии Вербицкий возвратился в Киев, куда привёз часть напечатанных им в Валахии книг, которые затем весьма широко распространились по Украине. После 1642 года о судьбе Вербицкого, к сожалению, больше ничего не известно.

Только самые последние исследования учёных позволили установить большую роль Тимофея Вербицкого, замечательного типографа и просветителя, в развитии книгопечатного дела на юго-западных русских и валахских землях.

«Печатник писаний божественных» (Спиридон Соболю)

Спиридон (Сильвестр) Богданович Соболю (около 1580-1590 – предположительно 1645) происходил из богатого городского купеческого рода. Его отец был бурмистром г.Могилёва известным борцом за дело православия и отстаивания восточнославянских национальных традиций. По предположению исследователей, С. Соболю учился в школе Могилёвского православного братства и в Киевской братской школе, уровень его знаний был очень высок. О начале его книгоиздательской деятельности сведений не сохранилось, хотя существует гипотеза о том, что Соболю начал печатать книги уже в 1616 году в Могилёве. Однако польские власти стали чинить многочисленные препятствия развитию русского книгопечатания в этих краях, и поэтому Соболю, уже посвятившему свою жизнь благородному делу просвещения народа в 1627-1628 годах пришлось направиться в Киев, где он, подобно Т. Вербицкому, получает помощь митрополита Иова Борецкого в открытии собственной частной типографии. Соболю активно сотрудничал с Вербицким, но вся его

деятельность была самостоятельной и в творческом, и организационном плане. Уже в 1628 году печатник выпускает свою первую книгу – «Октоих». Соболев работает чрезвычайно интенсивно и всего за 2 года он издаёт в своей типографии 5 книг, «что не может не вызывать удивления» [4, с.134.] и искреннего восхищения его талантом и энергией. 4 из 5 изданных книг были церковные, а одна – памятник духовной литературы VII века «Лимонарь». Судя по переводу этого сочинения, Соболев прекрасно знал греческий и латинский языки. Соболев считал, что выпуск «Лимонаря» будет крайне полезен для воспитания истинного христианского человека, его дальнейшего духовного самосовершенствования. Однако клерикалы отнеслись к данной книге Соболева с очень большим подозрением, и после Соболева она нигде больше не была напечатана. Спустя 2 года печатник стал испытывать серьёзные затруднения в своей деятельности, и вынужден был покинуть Киев и искать новое место для своей типографии. Обладавший кипучей энергией [4, с.143] и явным даром убеждения Соболев находит богатого «спонсора» в лице князя Богдана Статкевича. На землях князя располагались крупные православные монастыри и в один из них, Кутейнский, Соболев и переводит свою типографию. Печатник тут же начинает активно работать и уже в 1631 году выпускает здесь первую свою книгу. Соболев обладал большими талантами в книгопечатном деле и при сохранении традиций Ивана Фёдорова отличился многими новациями. Так, в 1628 году он «впервые в практике кириллического книгопечатания ввёл гравюры на меди» [5, с.71]. Тщательность исполнения этих гравюр говорит о том, что они заранее долго изготавливались специально для данного издания. Соболев употреблял в своих книгах значительное количество гравюр, красивые и крайне оригинальные заставки и инициалы с тонким рисунком и изображениями зверей и птиц. Доски для гравюр и заставок по заказу Соболева вырезали искуснейшие монастырские резчики. Кроме того, Соболев, часто не имея средств для приобретения новых досок, оригинально видоизменял уже существующие. Он также широко применял наборный литой орнамент. Шрифт печатника – чёткий выразительный полуустав, а сочетание чёрного и красного цветов доведено до настоящей гармонии. Соболев с огромным интересом следит за книгами, выходящими на Западе, в первую очередь в Польше, и часто творчески перенимает опыт иностранных мастеров.

В Кутейно Соболев выпустил за 2 года в общей сложности 4 книги, как литургического, так и учебного характера. Жизнь Соболева, как и остальных деятелей просвещения и книгоиздания, сурова и полна лишений. Он вынужден был часто переезжать с места на место. Спустя некоторое время печатник перебирается в местечко Буйничи, где печатает 4 книги, а в 1636 году – в Могилёв. Перед отъездом из Кутейно Соболев фактически организовал местную монастырскую типографию, передав ей значительную часть своего личного оборудования и материалов. У Кутейнской монастырской типографии в дальнейшем сложилась весьма интересная судьба. В течение многих лет она активно работала, выпуская книги, и в содержании, и во внешнем оформлении которых явно ощущалась сильное влияние Соболева. А после того, как католики и униаты своими жестокими преследованиями сделали функционирование монастыря невозможным, монахи и ремесленники-миряне при поддержке патриарха Никона переехали в российский Иверский монастырь. Было перевезено и всё типографское оборудование. И в 1657 году типография стала работать на новом месте. А после свержения Никона печатники и оборудование были переведены на Московский печатный двор. Таким образом, незримый образ Спиридона Соболева очень долго присутствовал в книгах, издаваемых на русской земле.

Послесловия С. Соболева свидетельствуют о его большом литературном таланте. Они написаны высокохудожественным, живым и образным языком. Соболев считал, что его миссия как печатника и просветителя заключается в том, чтобы каждый человек мог духовно и нравственно развиваться. Он «стремился приучить своих сограждан к чтению, самостоятельному размышлению, а также к молитве наедине» [4, с. 134].

И главным трудом Соболева на этом поприще стал написанный им букварь. Букварь вышел двумя изданиями – 1634 года в Кутейно и 1636 года в Могилёве. Букварь продолжает традиции Ивана Фёдорова в деле начального обучения грамоте. К сожалению, буквари Соболева сохранились лишь в единичных экземплярах, хотя надо полагать, они выходили значительными тиражами. На оборотах титульных листов обоих букварей размещены прекрасно подобранные с композиционной точки зрения гравюры религиозного содержания. Причём, гравюра Букваря 1636 года имеет явно польское происхождение, что говорит о большой веротерпимости автора и отсутствии у него вся-

кого религиозного догматизма. Букварь также примечателен тем, что впервые в названии букварей упомянуто то, что он предназначен для обучения детей – «Букварь сиречь начало учения детям начинающим чтению извыкати». До этого момента все предыдущие азбуки и буквари специально не выделяли того, что они предназначены детям. Этот факт говорит о том, что Соболев прекрасно понимал, что обучение и воспитание человека надо начинать с самого детства. Буквари начинаются с «Азбуки языка славенского», то есть алфавита, далее идут слогосочетания, подробные понятия грамматических категорий. Соболев считал на примере братских школ, что ученики должны хорошо разбираться в поэзии и поэтому разместил в букварях сведения о первоначальном стихосложении. Для воспитания христианской морали он также тщательно подобрал тексты из Библии, церковные каноны, молитвы. Полиграфически буквари Соболева очень красиво оформлены, так как автор считал, что эстетическая привлекательность учебников значительно увеличит усваиваемость материалов. Буквари Соболева оказали значительное влияние на последующих авторов русских учебных пособий, в особенности на Симеона Полоцкого. А в 1649 году в Могилёве вышло уже третье издание Букваря.

Соболев продолжал работать в Могилёвской типографии до тех пор, пока репрессии со стороны властей и католических, и униатских церквей не вынудили его покинуть монастырские стены. Соболев всю жизнь был ярким сторонником духовного и культурного единства с Московским государством. Поэтому в 1637 году он отправляется в Москву для того, чтобы вести просветительскую деятельность в самом сердце русских земель. В частности, Соболев желает осуществить в Москве переводы богословских книг с греческого языка, а самое главное, открыть в столице школу для преподавания детям греческого, латинского и польского языков.

Идея Соболева об открытии языковой школы намного опередила своё время, что говорит о его передовых педагогических воззрениях. Кроме того, подтверждается мнение учёных о том, что Соболев достаточно активно и успешно занимался преподавательской деятельностью в Киеве. Также Соболев привёз с собой в Москву значительное количество книг, как собственных изданий, так и на иностранных языках. И, самое главное, он совершенно справедливо полагал, что московским печатникам крайне необходимы типографские материалы, в первую очередь, значительное количество шрифтов разного размера. Поэтому Соболев везёт в Москву матрицы мелкого, среднего и крупного шрифтов для печатания книг «двема, трема или четьрма языкома» [4, с. 143]. То есть, явно находясь под сильным впечатлением от киевского «Лексикона» П. Беринды, он предлагает напечатать в Москве словарь на 4-х языках: церковнославянском, греческом, латинском и немецком. В это же время состоялось знакомство Соболева с крупнейшим московским печатником Василием Бурцовым. Бурцов убедился в отличном качестве шрифтов, привезённых Соболевым, и затем приобрёл их. Мелким шрифтом Соболева Бурцов напечатал в 1636 году первое московское миниатюрное издание – «Святцы». Влияние Соболева также ощущается в оформлении книг Бурцова, в частности в активном применении наборного орнамента. Бурцов, в свою очередь, поручил приобрести Соболеву в Польше и Литве оборудование для производства бумаги.

Однако, все московские начинания Соболева не завершились удачно. Официальные власти с крайним недоверием смотрели на «литовского печатника». В их глазах он был лишь католическо-униатским агентом, приехавшим в Москву с коварным планом смущения православных душ. В 1639 году власти не позволили Соболеву вновь въехать в Россию и оставили без всякого внимания все его новаторские предложения. А Бурцов даже вызывался на допрос, где он вынужден был давать показания о своих контактах с Соболевым.

Спустя некоторое время, Спиридон Соболев постригся под именем Сильвестра в монахи Киево-Печерской лавры и стал вновь работать в её типографии «друкарём». Так же, как и у Т. Вербицкого деятельность Соболева на последнем этапе жизни связана с просветительской миссией православной церкви в Валахии. Печатник умер в городе Мултаны в самый разгар своей там работы. Соболев имел большие планы на будущее. Так, он планировал открыть во Львове собственную типографию. Но, увы, смерть помешала осуществить многие его замечательные намерения. А стремление «печатника писаний божественных» нести огонь просвещения на московские земли в некоторой степени осуществилось. Его сын Иван занялся в Москве активной переводческой деятельностью и переводил для Посольского приказа крайне необходимые книги по географии далё-

ких стран. Оборудование же и материалы Соболя ещё на протяжении очень долгих лет успешно применялись во многих украинских, белорусских, русских и румынских типографиях

«Азбучного дела подъячий» (Василий Бурцов)

Крупнейший русский печатник второй четверти XVII века Василий Фёдорович Бурцов (Бурцов-Протопопов) (год рождения неизвестен – после 1655) происходил из семьи подъячих и сам во взрослом возрасте стал подъячим. Подъячие в России XVII века были основными служащими русской государственной системы управления, теми, образно говоря, «рабочими лошадками» на которых повседневно и держалась государственная власть. Выходцы из простого народа, очень часто провинциального, обладали большой работоспособностью, солидным опытом и довольно хорошим образованием – умели читать и писать, а некоторые даже знали иностранные языки. Бурцов первоначально занимался в провинции вопросами уездных переписей. В 1632 году Бурцов также в качестве подъячего, поступил на службу в Московский печатный двор. Сам факт поступления Бурцова на столичную службу говорит о том, что его работа в провинции была хороша оценена. Кроме того, можно считать, что Бурцов был очень образованным человеком, раз ему удалось получить место именно на печатном дворе. Таким образом, Бурцов вошёл в ряды отечественных печатников и стал принадлежать к их пятому, начиная с Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца, поколению. И типограф сразу же заявил о себе, хотя это было сделать весьма и весьма непросто на таком крупном предприятии мануфактурного типа, как Московский печатный двор, где работало много высококвалифицированных специалистов.

В связи с разделением труда, ключевая ранее должность мастера – руководителя печатных работ и одновременно специалиста-универсала, начала терять своё значение, а затем к концу 20-х годов XVII века и вовсе исчезла. На первое место выдвинулись наборщики, которые и стали фактическими руководителями. Однако, спустя несколько лет, должность мастера вновь появилась на печатном дворе и снова была окружена таким же уважением и почётом, как и ранее. И первым, «вновь возрождённым» мастером стал именно Василий Бурцов.

Он был столь почитаем на печатном дворе, что его называли не просто «мастером», каковых было много до него, а «азбучного дела мастером», что, несомненно, свидетельствовало о его высочайшем профессионализме. Спустя некоторое время авторитет Бурцова усилился настолько, что ему был присвоен ранее невиданный титул «азбучного дела подъячий». Таким особым званием обладал только Бурцов, никто из печатников в более поздние времена никогда не обладал им. Руководство Приказа книжного печатного дела весьма ценило мастера и платило Бурцову за его отличную работу очень большое жалование. Мало того, правовое и финансовое положение Бурцова на печатном дворе очень быстро стало особым. Ему была выделена приказом патриарха Филарета чрезвычайно крупная по тем временам ссуда в 1132 рубля 5 алтын для приобретения типографских оборудования и материалов.

По сути дела, Бурцов переходил в отношениях с Московским печатным двором на ранее невиданный в отечественном печатном деле арендный принцип. Мастеру передавалась в пользование на территории печатного двора отдельное помещение – «одинокая горница», расположенная в бывшей переплётной и оборудованная специально для него. Бурцов построил 2 печатных стана и для них сам набрал полный штат мастеровых людей в количестве 25 человек. Мастеровые набирались, в основном, из работников же печатного двора. В штате Бурцова был даже собственный словолитец, что позволяло печатать книги с помощью своего шрифта. Бурцов выплачивал взятую патриаршью ссуду постепенно, расплачиваясь частично деньгами, вырученными от продажи напечатанных им книг, а частично и самими книгами, что говорит о значительной востребованности его продукции.

В 1632 году, во время появления Бурцова на Московском печатном дворе, по распоряжению того же Филарета в Москве была открыта первая школа для обучения детей основам грамматики и греческому языку под руководством грека Иосифа. Представляется весьма возможным, что Бурцов, значительную часть книжной продукции, которую составляла именно учебная литература, направлял именно для нужд этой школы. Первой книгой, напечатанной Бурцовым, был Псалтирь 1633 года. Всего во время работы печатника в Московской типографии было выпущено 12 его

книг 19-ю изданиями. Выпуск бурцовских книг был поставлен, что называется, на «поток» – издания выходили очень быстро и весьма солидными тиражами. Так типография Бурцова успевала выпустить 2-3 издания в год, в то время как, во много раз, превосходивший её и количеством оборудования, и числом работников, и материальными запасами Московский печатный двор печатал в год всего 5-7 изданий. Несомненно, данный факт говорит об отличном ведении работ Бурцовым не только как печатника, но и в качестве предпринимателя. Некоторые исследователи, называют первым частным типографом России именно В. Бурцова, а не В. Киприанова, работавшего на 70 лет позже.

Бурцов был самым настоящим новатором в области полиграфического оформления. Многие он делал впервые среди русских печатников. Так, Бурцов в своём «Каннонике» 1641 года первым ввёл в отечественное книгопечатание титульный лист. (Кстати, после Бурцова титульный лист в русских книгах не употреблялся около 20 лет!). До этого выходные сведения указывались в книгах в послесловии. С художественной точки зрения, по меткому определению А.А. Сидорова, «издания Бурцова все вообще интересны, каждое по-своему». В книгах московского печатника гармоничным образом сочетаются заимствования из украинских и белорусских изданий – красочные фигурные заставки, наборный орнамент, светские гравюры, концовки, ранее в московских фолиантах практически не применявшиеся, с самобытными находками самого Бурцова. Шрифт в бурцовских изданиях ясный и чёткий. В 1639 году Бурцов впервые в России напечатал «Святцы», до этого ходившие лишь в рукописных списках. Кроме того, «Святцы» являются первой русской миниатюрной книгой, напечатанной в 1/16 листа. Матрицы для такого шрифта Бурцов приобрёл у С. Соболя. Бурцов также мастерски использовал в своих изданиях сочетание чёрного и красного цветов.

Василий Бурцов по праву считается основателем массовой светской русской литературы. Обычный тираж его изданий составлял 1200 экземпляров, но Азбуки, Часовники и Святцы могли печататься и двойным тиражом в 2 400 экземпляров, и даже 6000 экземпляров!

Самой известной книгой Бурцова безусловно считается его Азбука. Она пользовалась совершенно невероятной популярностью. По последним подсчётам, она издавалась на Московском печатном дворе минимум 10 раз. Причём первые 2 издания Азбуки 1634 не сохранились и о них остались только упоминания в документах печатного двора. А вот остальные издания Азбуки выходили столь большими тиражами, что до наших дней сохранились в весьма значительных количествах. Общий тираж бурцовских Азбук составил, по нашим подсчётам, не менее 23200 экземпляров. Несмотря на значительные по тем временам тиражи спрос на Азбуки был колоссальный, и они очень быстро раскупались, чему способствовала весьма дешёвая цена – 2 деньги (1 копейка). Так, 2400 экземпляров издания 1651 года были распроданы за один день 2 июля. По бурцовским Азбукам учились представители всех сословий, начиная от крестьянских детей и кончая представителями высших аристократических родов.

Существуют сведения, что по Азбуке обучался грамоте даже сам малолетний царевич Алексей Михайлович – будущий российский государь. Бурцовские учебники пользовались популярностью даже у иностранцев, так в Британской библиотеке хранится экземпляр 1637 года, по которому английские купцы и дипломаты изучали русский язык. Азбука Бурцова чрезвычайно ценилась старообрядцами, которые считали именно её настоящим образцом истинной «древлеправославной» книги. Старообрядцы неоднократно переиздавали бурцовские азбуки в своих типографиях, в частности в 1781 году в Супрасли и в 1875 году в Москве. Причём, «старообрядческие издания стремились максимально сохранить особенности оригинала, поэтому их ошибочно принимали за издания самого Бурцова».

Азбука Бурцова вышла в свет в 1634 году. Это была первая в Москве книга, предназначенная для первоначального обучения грамоте. Как сейчас доказано, издание, печатание которого было завершено 20 августа и имело название «Начальное учение человеком, хотящим разумети божественного писания» не было первым. Существовали, по меньшей мере, 2 более ранних издания, имевших тираж примерно 500 экземпляров, но они не сохранились. Азбука Бурцова в значительной степени опирается на Азбуку Ивана Фёдорова и с точки зрения содержания, и с точки зрения расположения материала. Однако совершенно нельзя сказать, что бурцовский учебник был скопирован с фёдоровских изданий. Это вполне самостоятельное творческое произведение. Бурцов в отличие от Фёдорова уделил больше внимания изучению грамматики, в первую очередь, синтак-

сису и пунктуации. «Кроме того, автор сделал попытку унифицировать написание слов и грамматический строй русского языка в Московском государстве» [1, с. 31], выступив в качестве учёного филолога, что доказывает его прекрасное владение родным языком. В предисловиях и послесловиях к Азбукам отчётливо виден яркий литературно-публицистический талант печатника. Так, в послесловии к Азбуке 1637 года содержится первое в русской печатной книге светское стихотворение о пользе обучения и о необходимости послушания учеников учителю. Большинство исследователей считает автором этих виршей именно Бурцова. Кроме того, автор демонстрирует в предисловии своё хорошее знание методических приёмов обучения. В полиграфическом исполнении Азбуки Бурцова сделаны весьма оригинально. В издании 1637 года первый раз в русской печатной книге появляется гравюра со светским сюжетом, изображающая урок в школе. Бурцов также впервые в Москве стал для лучшего усвоения материала выделять в учебнике заглавные буквы начальных слов красным цветом. С Азбукой Бурцова связана следующая любопытная деталь. В течение многих лет самым старым отечественным пособием по начальному обучению грамоте считался Букварь Симеона Полоцкого 1679 года. И лишь в 1823 году усилиями знаменитого археографа К.Ф. Калайдовича было доказано, что Азбуки В. Бурцова старше более чем на 40 лет.

Одной из самых серьёзных трудностей русского полиграфического дела было отсутствие собственного отечественного бумажного производства. Из-за этого бумагу приходилось завозить из-за рубежа. Она стоила очень дорого, что автоматически вело к удорожанию и печатных книг. Бурцов неоднократно пытался наладить производство бумаги в пределах России, тем самым, рассчитывая существенно снизить стоимость книг и сделать их более доступными для широких слоёв населения. Как уже упоминалось выше, Бурцов пытался через С. Соболя закупить оборудование в Речи Посполитой. После неудачи этой попытки, он не пал духом и, заручившись поддержкой царя, пригласил на свои средства из Германии известного бумажных дел мастера Андреаса Фрума. Фрум работал в Москве вместе с Бурцовым около года, обучая русских работников всем премудростям бумажного производства. В 1640 году Бурцов сообщает царю, что в услугах немца он больше не нуждается, так как все секреты производства бумаги постигнуты [4, с. 144].

О последних годах жизни Бурцова мало что известно. Неожиданно после 1642 года он прекращает сотрудничество с Московским печатным двором. Затем печатник терпит, видимо, существенные лишения, так как он вынужден продать свою коллекцию «харатейных», то есть пергаментных книг. Последнее упоминание о Бурцове относится к 1656 году, когда он пытается в очередной раз организовать отечественное бумажное производство на реке Пахра. Бурцов был несправедливо обвинён в неудаче этого начинания и отстранён от дела. Судя по всему, последние дни своей яркой и наполненной заботой о простых людях жизни великий русский печатник провёл в бедности и безвестности.

«Муж, исполненный разумом» (Симеон Полоцкий)

Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) (1629–1680) обладал многими талантами и проявил себя в разных сферах человеческой деятельности. Он был и педагогом, и книгоиздателем, и проповедником, и библиофилом, и церковным деятелем, и первым профессиональным русским поэтом, и первым профессиональным русским драматургом.

Симеон Полоцкий происходил родом из бедной городской семьи. С раннего детства он отличался столь завидным умом, прилежанием и тягой к знаниям, что уже в 8-ми летнем возрасте, оценившие его таланты, взрослые отправили его на учёбу в Киево-Могилянскую академию – лучшее восточнославянское учебное заведение. Академия к этому времени уже успела превратиться в крупнейший центр образования, науки и культуры. Преподавание там вели самые знаменитые педагоги и учёные. В Киев, чтобы получить образование, съезжались молодые люди со всего славянского мира. Авторитет академии был невероятно высок. Греко-славянские образовательные традиции гармонично сочетались со структурой западноевропейских гимназий. Академия делилась на 7 классов. В младших классах учили грамматику, в средних – риторику и поэтику. Те же студенты, которые отличились большими успехами в познании наук и решили принять духовный сан, продолжали обучение в высших классах, где им преподавались 2-х летний курс философии и 4-х летний курс богословия. Лекции читались в основном на латинском языке, продвинуто изучались

греческий и церковнославянский языки. Многие преподаватели академии придерживались гуманистических взглядов на педагогический процесс.

Симеон Полоцкий успешно завершил 14-ти летнее обучение в академии и получил звание «дидакакала» – учителя. Но, несмотря на многочисленные похвалы заслуженных преподавателей, молодой человек прекрасно понимал, что он находится лишь в самом начале долгого и трудного пути к познанию. Он принимает решение ехать в прославленную Виленскую иезуитскую коллегию – учебное заведение с 90 профессорами и 700 учащихся. Несмотря на то, что основой иезуитского образования были идеи контрреформации, в нём была сильна и гуманистическая струя – углублённое изучение античных авторов. Кроме того, иезуиты достигли небывалого умения проводить дискуссии и произносить орации (речи). Молодой Симеон жадно впитывал в себя всё лучшее, что могли предоставить ему различные учебные заведения и образовательные системы.

После возвращения Симеона в родные края, его бывший учитель в Киево-Могилянской академии Игнатий Иевлевич, занимавший к тому времени пост ректора Полоцкой братской школы, предложил Симеону преподавать в ней. Симеон ясно чувствовал, что его призвание к познанию, преподавательской деятельности должно сочетаться с самосовершенствованием, ибо человек только тогда может находиться в согласии с самим собой и окружающим миром, если его дух и разум развиваются в одновременном порыве. Голова должна сдерживать пылкость сердца, а сердце должно возбуждать трезвость головы. Поэтому он принимает решение стать монахом и продолжает свою преподавательскую деятельность. Жизнь Симеона была крайне бедна. Жил он в большой тесноте. Как писал он позже в одном из своих шуточных стихотворений: «Свое полаты за печью имею». Но убогость материальной стороны его жизни никак не сказывалась на его ревностном исполнении обязанностей учителя, поэтому молодой педагог сразу же завоевал доверие и авторитет со стороны, как своих учеников, так и всего братства в целом.

Симеон ещё во время учёбы в Киево-Могилянской академии увлёкся сочинением стихов. В Вильне он стал переводить поэзию с польского и латинского языков. Сохранилось несколько десятков поэтических текстов, созданных Симеоном Полоцким в белорусско-украинский период. Кроме того, он с молодых лет стал собирать свою, ставшую впоследствии знаменитой, библиотеку.

Симеон был страстным любителем драматических представлений, которыми славились многие братские школы на западнорусских землях. Эти школьные драмы «носили ярко выраженный пропагандистский характер, ибо способствовали агитации за школу и православие и борьбе с иезуитскими коллегами» [2, с. 73]. Симеон писал сюжеты для этих драм и осуществлял их постановку. Будущий первый российский драматург начал свою театральную деятельность именно на школьной сцене.

В это время происходят серьёзные политические события – русские войска в результате войны с поляками заняли Полоцк. В город приезжает сам российский государь Алексей Михайлович. В честь приезда царя Симеон готовит группу своих учеников, которые читают Алексею Михайловичу «декламации» – приветствия в стихах, написанных Симеоном. Впечатление, произведённое на царя, было столь сильным, что он приглашает Симеона посетить Москву. Так отныне жизнь полоцкого монаха оказалась навсегда связана с Русским государством.

Высшие государственные деятели России прекрасно понимали, какую важную роль играют для стремительно развивавшейся и расширявшейся державы просвещение и образование. Поэтому Симеон сразу же получает возможность открыть в московском Заиконоспасском монастыре школу для обучения подьячих Приказа тайных дел. Кроме того, западнорусских монахов охотно принимали домашними учителями в семьи московской знати. Литературные таланты Симеона Полоцкого, его учёность и начитанность оказали на царя Алексея Михайловича столь существенное воздействие, что он назначает его учителем своих детей. Как писал В.О. Ключевский, «Алексей не удовлетворился элементарным обучением, какое получили его старшие сыновья Алексей и Фёдор от московского приказного учителя, велел обучать их иноземным языкам и для довершения их образования призвал западнорусского ученого монаха Симеона Ситниановича Полоцкого».

Симеон не только обучал и воспитывал царских детей, но и произносил при венценосных особах замечательные по своему нравственному содержанию, душевному накалу и литературному оформлению христианские проповеди. Современники говорили, что набожный царь слушал про-

поведи Симеона, замерев дыхание, внимая каждому его слову, и уходил с проповеди глубоко потрясённый до самых основ своей души.

В 1679 году царь Фёдор поручил Симеону составить учебное пособие по начальному обучению грамоте, предназначенное для маленького царевича Петра – будущего Петра I. Так появился знаменитый «Букварь языка славенска». Этот Букварь довольно-таки сильно отличается от предыдущих Букварей. Симеон считал, что огромное значение при обучении детей имеет не только их приобщение к конкретным знаниям, но и развитие в ребёнке морально-нравственных христианских начал. Поэтому только 36 из 320 страниц учебника были предназначены непосредственно для обучения грамоте. Остальные отведены основам церковно-нравственного воспитания и религиозного образования.

Полоцкий был не только практиком, но и крупным теоретиком в сфере образования. Он выступал за самое широкое распространение школ в России, призывал к постройке новых училищ, доказывал необходимость серьёзной подготовки учителей. Он был ярким сторонником учреждения в Москве первого высшего учебного заведения по типу Киево-Могилянской академии. Совместно со своим многолетним другом и помощником Сильвестром Медведевым он разработал учредительную грамоту будущей академии. В ней

предлагалось «в Заиконоспасском монастыре храмы чином Академии устроить и преподавать семена мудрости, науки гражданские и духовные – грамматику, пиитику, риторику, философию разумительную, естественную и нравственную, богословие» [3, с. 212]. Замечательному замыслу Симеона суждено было сбыться уже после его смерти, когда его воспитанники открыли в Москве Славяно-греко-латинскую академию.

Букварь был первой книгой, напечатанной в так называемой Верхней типографии – любимом детище Симеона Полоцкого. Симеон очень тяготился жёсткой церковной цензурой выпускаемой печатной литературы. Тем более что многие иерархи испытывали к нему серьёзное недоверие, постоянно подозревая в тайном «латинстве». Поэтому Симеону удалось убедить царя Фёдора открыть особую государственную типографию в Москве. Она находилась на казённом счету, оборудование, материалы и кадры для типографии поставлял Московский печатный двор. Всякая внешняя цензура отсутствовала, а всю книгоиздательскую политику лично определял Симеон Полоцкий. Типография за короткий срок своего существования успела выпустить всего 7 книг, по большей части, принадлежавших перу самого Симеона. Но значение этой типографии для культурной жизни России чрезвычайно велико: по существу она представляла собой «вольную» типографию со своей программой изданий, предвосхищавшую русское частное книгопечатание XVIII века

Судьба, начиная с момента переезда в Москву, явно благоволила к Симеону Полоцкому. Слава, богатство, покровительство первых лиц государства, возможность заниматься своим любимым делом – разве это не является признаками явной жизненной удачи и благополучия? Но обладающий, благородным, мягким и добродушным характером Симеон, всегда имел большое количество недоброжелателей, начиная от бытовых завистников и кончая религиозными догматиками. И после смерти Симеона им удалось взять «реванш». Церковный собор предал его книги анафеме, было запрещено использовать их в проповеднической деятельности и даже вообще упоминать. Имя Симеона Полоцкого было забыто, о его месте в истории русской культуры говорили только в тех случаях, когда речь шла о воспитании и обучении царских детей. Громадное литературное наследие Симеона долго никем не изучалось. И только многие годы спустя имя Симеона Полоцкого заняло подобающее ему место среди великих деятелей русской культуры и просвещения.

«Хотящий словес иеромонах» (Карион Истомин)

Известный педагог, поэт, переводчик, проповедник, учёный, справщик печатного двора Карион Истомин (1640-е – приблизительно после 1717) был уроженцем г. Курска и происходил из семьи провинциальных подьячих. Начальное образование он получил в своём родном городе. Предполагается, что он был родственником знаменитого литератора и мыслителя Сильвестра Медведева и в значительной степени испытывал в юные годы его влияние. Истомин изначально имел стремление к максимальному совершенствованию не только своих знаний, но и духа и поэтому постригся в монахи Путивльской Молчанской пустыни. Спустя несколько лет Истомин приезжает в Москву и

сразу же производит крайне благоприятное впечатление на патриарха Иоакима своим интеллектом, эрудицией и покладистым, уживчивым характером. Поэтому Иоаким назначает Истомина на почётную и ответственную должность справщика Московского печатного двора.

К первой трети XVII века книгопечатание в Москве достигло уже весьма больших масштабов. И вновь, как в XVI столетии возникла серьёзная проблема исправления допущенных в книгах ошибок. Но она вышла уже на новый, более глобальный уровень. Ведь раньше ошибка переписчика могла привести к неточностям лишь в одной книге, сейчас же ошибки печатников могли привести к неточностям во всём тираже, достигавшего порой нескольких тысяч экземпляров. Поэтому исправление печатных книг приобретает важное государственное значение. Патриарх Филарет решает организовать при Московском печатном дворе корпорацию справщиков. Они выбирались из лиц и светских, и духовных, но преимущественно искали их в монастырях. Специально для справщиков была выделена отдельная Правильная палата на печатном дворе. Они работали на постоянной основе и занимались корректурой и редактированием всех книг, но, в первую очередь, церковных. В помощь справщикам придавались чтецы и писцы. Интеллектуальный труд справщиков хорошо оплачивался, их жалование было намного выше, чем у технических работников типографии. Первоначально справщики осуществляли свою деятельность довольно самостоятельно, но постепенно всё больше и больше попадали под жёсткий контроль церковных властей. Ввиду важности работы справщиков на их должности назначались самые образованные и начитанные люди тех лет. Справщики, кроме своей основной работы, осуществляли переводы, часто были сами авторами книг.

Одновременно с работой на Московском печатном дворе Истомин становится иеромонахом знаменитого Чудова монастыря. Кроме того, он преподаёт греческий язык в типографской школе. Истомин не боится признаться в том, что его знания греческого ещё требуют совершенствования и берёт уроки у основателя школы монаха Тимофея.

Патриарх Иоаким очень ценил Истомина и поручал ему писать для него проповеди, составлять от его лица грамоты и письма, вести переписку с восточными патриархами. Ещё более упрочилось положение Истомина при преемнике Иоакима патриархе Адриане, когда Карион вместе с архидьяконом Ионой фактически стали управлять патриаршими делами. Карьера Истомина стремительно шла в гору и, в марте 1699 года он получает заслуженное назначение на пост начальника Московского печатного двора. Однако Карион не считает, что получение административных должностей должно препятствовать его педагогической деятельности и он продолжает работать учителем, преподавая ещё и в Заиконоспасской школе, основанной Симеоном Полоцким и руководимой ныне Сильвестром Медведевым. Истомин, как и Полоцкий, был убеждённым сторонником открытия в Москве высшего учебного заведения. Он неоднократно обращался с просьбами об учреждении академии к высшим должностным лицам страны, в том числе и к царевне Софье. Поэтому в открытии в 1687 году в Москве Славяно-греко-латинской академии есть существенная заслуга и Кариона Истомина.

Одновременно с руководящей и преподавательской работой Истомин ведёт активную литературную и научную деятельность. Он составляет одно из первых отечественных исторических сочинений – записки о стрелецком бунте «Созерцание краткое...». Очень большое внимание Истомин уделяет переводам с иностранных языков, недаром он считался одним из лучших русских переводчиков тех времён. Среди переводов Истомина целый ряд значительных и важных сочинений иностранных авторов с латинского, греческого и польского языков. Так, он перевёл труд одного из «отцов церкви» Блаженного Августина «Книгу о видении Христа». А самым известным переводом, сделанным Истоминым, является «Книга о хитростях ратных» римского историка Юлия Фронтинана. Истомин не только в полном объёме перевёл этот замечательный труд, но и снабдил его своими многочисленными оригинальными комментариями. Книга предназначалась непосредственно для Петра I.

Поэтический дар Истомина был столь очевиден, что он становится придворным поэтом и пишет множество стихотворений, посвящённых венценосной семье. Стихи Истомина были чрезвычайно разнообразны по своему содержанию. Среди них акафисты, и молитвы, жития святых, эпифании и панегирики.

Но основной сферой деятельности Истомина, было образование и воспитание детей. Им написано несколько оригинальных учебных пособий. В частности, «Полис си есть град царства небесного, имущий учение, моление и премудрость» является по сути первой в России детской энциклопедией, в которой даются в стихотворной форме сведения о 12 науках, излагается космография, описываются части света, времена года, церковные праздники. В стихотворном произведении «Домострой» Истомин излагает нормы поведения для детей в семье и обществе.

Но самыми известными учебными произведениями Истомина являются его Буквари. Эти Буквари были предназначены для обучения царевича Алексея, сына Петра I. Истомин прекрасно понимал, что наглядность детских учебников во много раз повышает понимание и усваиваемость изложенных в них материалов. В этом смысле он был совершенно солидарен с воззрениями великого Яна Амоса Коменского. Поэтому Истомин предполагает выпустить Буквари, снабжённые многочисленными красочными иллюстрациями. Вначале были изготовлены 2 экземпляра рукописных Букварей, иллюстрации к которым выполнили лучшие московские миниатюристы. А затем Истомин решает на чрезвычайно смелый и новаторский шаг и в 1694 году печатает первый отечественный цельногравированный Букварь. Ранее в России цельногравированные книги были выпущены только в Верхней типографии Симеона Полоцкого. Авторами тех гравюр на меди были великие мастера Симон Ушаков и Афанасий Трухменский.

Букварь же Кариона Истомина – произведение, уникальное. Он состоит из 44 листов и снабжён более 400 иллюстрациями. Каждый лист Букваря посвящён одной букве церковнославянского алфавита. Изображения самих букв даются в разных вариантах. Каждую букву поясняют несколько рисунков предметов, соответствующих этой букве. Кроме того, Истомин на каждую букву придумал хорошо запоминающиеся нравоучительные стихотворения. Московский печатный двор не располагал техническими возможностями изготовить подобную книгу. Поэтому Истомин обратился к известному художнику и резчику, мастеру Серебряной и Оружейной палат Леонтию Бунину. Тот изобрёл собственный оригинальный стан, позволяющий выполнять гравирование на меди. И совместными усилиями Истомина и Бунина учебник был выпущен в свет. Ввиду того, что изготовление подобного Букваря было процессом очень долгим и весьма дорогим, тираж книги был небольшим – всего 106 экземпляров. Поэтому книга сразу же стала раритетом, и в первой четверти XIX столетия приобрести Лицевой Букварь Кариона Истомина было для русских библиофилов величайшим счастьем.

Мы согласны с оценкой истоминского Букваря Л.Н. Аверьяновой, которая считает, что «на пороге XVIII века был создан новый учебник, отражающий идеи русского просветителя, новые тенденции русского искусства XVII века, западноевропейские художественные веяния и энциклопедические представления русского человека XVII века» [1, с. 33]

Истомин выпустил для царевича Алексея в 1696 году ещё один печатный Букварь, который имел, в отличие от Лицевого, традиционную форму и содержание, свойственную отечественным учебным пособиям по первоначальному обучению грамоте.

Карион Истомин до самого конца своей жизни продолжал заниматься педагогической деятельностью и в столице, и в провинции. Похоронен это замечательный человек в усыпальнице московского Чудова монастыря вместе с другими известными деятелями русской культуры и просвещения.

Авторы первой четверти XVIII века «Начальственный человек печатного двора» (Фёдор Поликарпов)

Фёдор Поликарпович Поликарпов (Поликарпов-Орлов) (1670-е – 1731) – известный книгоиздатель, переводчик, педагог, учёный, библиофил, коллекционер, как и большинство авторов русских азбук и букварей, имел простое и небогатое происхождение. Но, как мы видим, именно небогатое происхождение очень часто и подвигало родителей давать своим детям замечательное образование. Поэтому Фёдор Поликарпов стал постигать науки с самого раннего детства. Он оканчивает знаменитую типографскую школу при Московском печатном дворе, где на высочайшем уровне было поставлено преподавание греческого языка, а также славянской грамматики. Юный ученик сразу же сумел проявить себя с самой лучшей стороны и обратить на себя внимание всех учите-

лей. Как отмечает исследователь жизни Поликарпова Браиловский С.Н., тот от природы был одарён способностью к языкам и большим прилежанием к наукам. Поэтому, после того, как братья Софроний и Иоанникий Лихуды в 1687 году основали в Москве Славяно-греко-латинскую академию, Фёдор Поликарпов вошёл в число первых пяти лучших учеников, которые были переведены из типографской школы в академию. Академия обучала по самым передовым методикам того времени. В ней преподавался целый ряд наук – грамматика, пиитика, риторика, диалектика, логика, физика. Особое внимание уделялось изучению языков – церковнославянского, греческого и латинского. Лихуды настолько блестяще поставили преподавание, что ученики, спустя уже несколько лет, могли самостоятельно осуществлять весьма сложные переводы. Успехи же Поликарпова были настолько велики, что в 1690 году его рекомендовали на должность книжного писца Московского печатного двора. А когда братья Лихуды вынуждены были оставить академию, то им на замену были поставлены два лучших ученика – Фёдор Поликарпов и Николай Семёнов. То есть Поликарпов явно обладал большим педагогическим талантом. Он и Семёнов успешно руководители академией, а также одновременно осуществляли переводческую деятельность. Так, Поликарпов перевёл сочинение византийского императора Льва «Книга хитрости руководство, воинам в ратоборство».

Успешная деятельность Поликарпова была оценена по достоинству, и его назначают справщиком Московского печатного двора. А уже спустя 3 года Пётр I делает его начальником типографии, то есть фактически руководителем всего российского книгопечатания. Великий преобразователь русской жизни не мог не понимать, что для серьёзных изменений, требующихся для ускоренной модернизации страны, нужна коренная перестройка книгоиздательской отрасли. Поэтому во главе её должны стоять энергичные, образованные, высокопрофессиональные, полностью одобряющие петровские реформы люди. В число именно таких людей и входил Поликарпов. Пётр, несомненно, тщательно присматривался к личности будущего главы российского книгопечатания, и Поликарпов произвёл на царя благоприятное впечатление. Конечно, миссия, выпавшая Поликарпову, была очень и очень непростой, ибо каких только задач не было перед ним поставлено: и техническое переоснащение типографии, и изменение системы организации труда работников, и резкое увеличение количества выпускаемых книг, и массовый перевод иностранной литературы, и переход на новый гражданский шрифт, и содействие в открытии новых типографий. Но, можно с полным основанием сказать, что Поликарпов справился со своей сложной миссией и с честью выполнил все поставленные перед ним задачи.

Став «начальственным человеком печатного двора», Поликарпов сразу же принялся за преобразования, касающиеся его работы. Первым делом, он существенно повысил жалованье работникам типографии, которое не увеличивалось с 1668 года. Затем с целью повышения производительности труда он решает значительно увеличить материальную заинтересованность мастеровых людей. Для этого Поликарпов вводит на Московском печатном дворе подряд. Введение принципа материального стимулирования сразу существенно повысило заинтересованность работников предприятия в увеличении количества напечатанных книг и уменьшении сроков выхода книг из печати. Поликарпов щедро платил за выполненную сверхурочную работу. Для того, чтобы оплата была как можно более точной и соответствующей размеру и характеру работ, по его распоряжению, проводились сложные расчёты. Также Поликарпов в случае необходимости нередко прибегал к найму временной рабочей силы. Кроме того, Поликарпов впервые в истории печатного дела в России ввёл в типографии производственные нормативы. Применение подряда и найма сразу значительно увеличило производительность труда, существенно возросли доходы и рабочих, и типографии.

Ещё одной чрезвычайно важной мерой, предпринятой Поликарповым, была техническая модернизация печатного двора. К тому времени типографское оборудование уже устарело, и не могло справляться с возросшим объёмом печатной продукции. Поэтому в Голландии были закуплены новые печатные станы с железными деталями. Также была применена новая передовая голландская технология при отливке шрифтов, что позволило значительно продлить срок их использования. Поликарпов широко привлекал для обучения русских мастеров иностранных квалифицированных специалистов, в основном из Голландии. Прямо при типографии были организованы курсы, на которых иностранные специалисты должны были обучать русских работников. Как раз во

время руководства Поликарповым печатным двором произошло важнейшее событие в истории русского книгопечатания – переход на новый гражданский шрифт. Употреблявшаяся до этого кириллица была крайне неудобной при печати и прочтении. Новая же азбука была идеальной для появившейся в большом количестве светской литературы. Пётр лично руководил процессом внедрения новой азбуки и тщательно следил за его результатами. Благодаря усилиям, в том числе, и Поликарпова переход на новый шрифт был произведён очень быстро.

После постройки новой столицы на севере страны остро возник вопрос об открытии в Петербурге собственной типографии, так как одного Московского печатного двора было уже недостаточно для производства массовой книжной продукции. Поэтому Поликарпов принял активнейшее участие в организации второй российской типографии, выполнил приказание Петра – «станок друкарный с новыми литерами прислать сюда по первому зимнему пути со всем, что к нему принадлежит, также и с людьми» В конечном итоге с Московского печатного двора организуемой Петербургской типографии было передано всё необходимое для открытия – оборудование, материалы и специалисты.

Ещё одним важным петровским начинанием было основание первой русской печатной газеты «Ведомости». И Поликарпов был одним из редакторов газеты, благодаря стараниям которого «Ведомости» имели шумный успех.

Занятость Поликарпова работой на печатном дворе не мешала ему активно продолжать свою литературную, переводческую и педагогическую деятельность. Поликарпов принимает большое участие в одобренном Петром новом переводе Библии. По прямому распоряжению царя Поликарпов осуществляет перевод с латинского языка знаменитой книги Бернгарда Варения «География генеральная».

Сам Поликарпов выпускает «Граматику», взяв за основу издание М. Смотрицкого. Также он разрабатывает новые учебные пособия – «Лексикон трезычный» и Букварь. Эти пособия уникальны тем, что впервые в российской практике учебная литература была напечатана сразу на трёх языках – церковнославянском, греческом и латинском. В дальнейшем именно эти пособия явились примером для создания многочисленных прикладных многоязычных словарей. Букварь же Поликарпова (1701г.) впервые совместил в себе основательный грамматический и хрестоматийный материал и значительное количество иллюстраций.

Фёдор Поликарпов в истории русского книгопечатания навсегда останется одним из самых талантливых и энергичных его деятелей.

«Протектор школ и типографий» (Гавриил Бужинский)

О детских и юношеских годах переводчика, проповедника, церковного иерарха, библиофила Гавриила Фёдоровича Бужинского (год рождения неизвестен – 1731) мы практически ничего не знаем. Известно, что он родился на Правобережной части Украины, входившей тогда в состав Речи Посполитой. Судя по всему, родители Бужинского были искренне верующими православными людьми, вдохнувшие в своего ребёнка с самого детства дух православия и стремление к духовному единению со Святой Русью. Поэтому Бужинский ещё мальчиком поступил в Киево-Могилянскую академию. Вероятно, он отличался большими успехами в учёбе и идеальным поведением, так как очень скоро после окончания академии приметивший его патриарший местоблюститель митрополит Стефан Яворский переводит молодого выпускника в Москву. Бужинский получает должность учителя Славяно-греко-латинской академии, что опять же свидетельствует о его незаурядных интеллектуальных и педагогических качествах. Мирская учёность явно не удовлетворяла новоиспечённого дидаскала. Он считал, что светских знаний недостаточно для полноценного развития человека, ибо они лишь расширяют горизонты человеческого ума, но не указывают пути к самопознанию и совершенству. Поэтому молодой учитель принимает духовный сан. Спустя 2 года он был уже рукоположен в иеромонахи. Педагогическая же деятельность Бужинского продолжала успешно развиваться, и в скором времени он был назначен на руководящий пост префекта Славяно-греко-латинской академии. Префект совмещал в своей работе преподавание такой серьёзной научной дисциплины как философия и заботы об экономическом процветании учебного заведения

Но особенно стал знаменит иеромонах Гавриил произнесением своих знаменитых проповедей. Его проповеди отличались таким прекрасным красноречием и искренним душевным накалом, что мало на кого они не оказывали сильнейшего влияния. Сам Пётр I, прослушав одну из его проповедей, сразу понял, какими большими достоинствами отличается молодой монах, и велел перевести его в только что открытый Александро-Невский монастырь в Петербурге. Бужинский долгое время являлся там единственным иеромонахом и пользовался непререкаемым авторитетом и уважением среди братии. Пётр же явственно увидел в Гаврииле не только страстного проповедника и известного своей учёностью дидаскала, но и талантливого государственного деятеля, эффективного управленца, который может принести очень большую пользу своей стране. И царь назначает Бужинского на чрезвычайно важную и недавно учреждённую должность обер-иеромонаха флота. Российский флот к этому времени уже достиг своими громкими победами всевропейской славы. Россия уверенно вошла в число ведущих морских держав. Но крайне важным для поддержания боеготовности флота в высоком состоянии было не только количество кораблей и число пушек на них, но то, каков был моральный дух русских моряков. Ибо не железом бранным силён русский воин, а своей храбростью, героизмом и любовью к Родине! И обер-иеромонах Гавриил, не сходя значительное количество времени на берег, делил с матросами все тяготы и сложности морских походов, пробуждая в них своими горячими проповедями лучшие черты их простых и суровых душ.

Очень высокого мнения о человеческих и профессиональных качествах Бужинского был легендарный иерарх Феофан Прокопович. Кроме того, они полностью сходились в своих взглядах на роль и место церкви в грандиозных петровских реформах. Бужинский принимает активное участие в деятельности знаменитой «Учёной дружины» Прокоповича. А спустя некоторое время, при серьёзнейшей поддержке Феофана Бужинский становится архимандритом одного из самых значительных монастырей России – Ипатьевского. То важное значение, которым новоиспечённый архимандрит стал обладать в церковных делах очевидно из следующего факта: он вошёл в первый состав Священного Правительствующего Синода Русской православной церкви в качестве советника. [6, Кн. 8, ч.1, с. 509].

К этому времени число российских церковных типографий стало стремительно увеличиваться. В их число входили, как новые, недавно открывшиеся, так и существовавшие с очень давних времён и вошедшие в состав России в результате территориальных приобретений. Также в связи реформами в системе образования появляется значительное количество церковных архиерейских школ. Поэтому вскоре возник вопрос о едином управлении и контроле над этими типографиями и школами. В связи с этим Синод принимает решение о создании во всероссийском масштабе структуры полностью отвечающей за их работу. И 21 июня 1721 года Синод назначает Гавриила Бужинского протектором школ и типографий. В качестве рабочего аппарата префекта создана специальная контора. Бужинскому подчиняются все церковные школы на всей территории России, а также 5 из 9 функционирующих в империи типографий.

В это число входят как типографии, существовавшие уже значительное количество лет – Московская, Киево-Печерской Лавры, Черниговского Свято-Троицкого Ильинского монастыря, так и недавно открывшиеся – Петербургская, Петербургского Александро-Невского монастыря. Деятельность Бужинского была направлена, в первую очередь, на наведение порядка в типографиях и максимализации их прибыли. Бужинский повёл жёсткую и бескомпромиссную борьбу против взяточничества и казнокрадства в типографиях. Им были разработаны первые в общенациональном масштабе трудовые нормативы. К этому времени русские типографии представляли собой значительные по размеру производства с полностью сформировавшимся разделением труда. Так, в штате Московского печатного двора числилось уже целых 17 профессий. Ввиду такой сложности производственных процессов Бужинский в 1723 году разрабатывает подробнейшие должностные инструкции для каждого специалиста. Как отметил известный исследователь истории книги Луппов С.П., данные инструкции разработаны столь тщательно, что «воссоздают перед нами всю технологию типографского дела того времени»

Повествуя о Бужинском, нельзя не упомянуть о его деятельности, как переводчика и автора учебной литературы. В это время Пётр лично отдаёт распоряжение о переводах важных, на его взгляд, иностранных авторов и сам контролирует быстроту и качество их выполнения. Поэтому литературные переводы, особенно научной и технической литературы, приравнены к делу госу-

дарственной важности. К переводческому процессу были подключены почти все знающие иностранные языки люди в окружении Петра. Конечно же, Бужинский не мог остаться в стороне. Он, в первую очередь, переводил для Петра сочинения, касавшиеся истории, а также государства и права. Так, в частности, им были переведены с латинского языка знаменитые труды Пуффендорфа «Введение в историю Европейскую» и «О должностях человека и гражданина» и Стратемана «Феатрон, или позор исторический». После смерти Петра I многие переводы Бужинского были сочтены «вольнодумными и еретическими», и они изымались из свободного обращения. И только спустя долгие годы они вновь стали доступны массовому читателю.

Гавриилу Бужинскому принадлежит перевод и составление одной из самых известных и популярных книг петровского времени «Юности честное зерцало». Книга была предназначена для образования и воспитания молодых людей, в первую очередь, дворянского происхождения. Пётр I придавал первостепенное значение вопросам культуры поведения в кардинально изменившемся обществе. Поэтому книга вышла при жизни Петра 4-мя изданиями и значительным тиражом. Она состояла из 3-х частей: новой гражданской азбуки, правил домашнего и общественного поведения для юношества и нравоучительных наставительных повествований. Азбука включала в себя алфавит, упражнения для чтения, нравоучительные чтения и раздел для обучения арабским цифрам. Вторая и третья часть книги состоят из правил хорошего тона, рассказов о необходимом поведении в обществе, советах о добродетелях. Эта замечательная книга имела огромную читательскую аудиторию и переиздавалась вплоть до конца XIX века, вызвав множество подражаний.

Однако истинным призванием Гавриила была всё-таки не государственная служба и не литературная деятельность, а служение Богу. Бужинский считал, что истинно верующий человек не должен тратить свои энергию и время на деятельность, не имеющую прямого отношения к религии. Поэтому он оставляет Петербург и переезжает в Рязань, где возглавляет одну из крупнейших Русских епархий. В Рязани Бужинский в очень короткий срок превращает местную архиерейскую школу в одно из лучших учебных заведений подобного типа в России. Число учеников значительно возрастает, строятся новые школьные помещения, а Бужинский даже вызывает из Киева и Петербурга новых учителей. У Гавриила были серьёзные планы по ещё большему расширению школы, и они вот-вот должны были воплотиться в действительность, но он внезапно умирает в московской церкви прямо во время богослужения. Так завершилась земная жизнь этого замечательного человека.

«Ревностный поборник просвещения» (Феофан Прокопович)

Последним из авторов русских азбук и букварей, чья жизнь и деятельность рассматривается в данной статье является Феофан (Елеазар) Прокопович (1681–1736). И именно в Прокоповиче число разнообразнейших талантов достигло воистину невероятной величины. Трудно даже перечислить все сферы человеческой деятельности, в которых смогла проявиться его гениальная натура. Церковный иерарх, политический деятель, педагог, мыслитель, писатель, поэт, драматург, литературовед, реформатор русского языка, благотворитель, библиофил – вот далеко неполный перечень его талантов. Можно сказать, что великой эпохе грандиозных петровских преобразований нужны были великие люди, настоящие титаны, которые бы смогли вынести на своих могучих плечах весь тяжелейший груз раннее невиданных изменений. Именно к таким великим людям и принадлежал Феофан Прокопович.

Жизнь была очень сурова по отношению к маленькому киевскому мальчику Елеазару. В раннем детстве он потерял отца, а затем умирает и его мать. От голодной смерти его спасает брат матери – известный учёный и педагог, ректор знаменитой Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович. Елеазар через всю свою жизнь пронесёт благодарность своему дяде, взяв позже для себя его имя и фамилию. Феофана сначала определили на учёбу в монастырскую школу, после успешного окончания которой, он поступил в академию. С самых юных лет Феофан отличался невероятной любознательностью, восхитительной памятью, колоссальным трудолюбием, а также самостоятельным и независимым характером. Данные качества позволили ему прекрасно закончить весь учебный курс Киево-Могилянской Академии. Особое старание Феофан проявлял при изучении иностранных языков, в первую очередь, латыни. Также в академии он проявил свой недоу-

жинный талант оратора и полемиста, легко побеждая своих оппонентов в любых диспутах. Кроме того, у него обнаружился абсолютный музыкальный слух и замечательный голос.

Для Прокоповича никогда не существовало предела совершенствования знаний. Он был глубоко убеждён, что человек должен учиться с раннего детства до глубокой старости, и жизнь предназначена ему именно для учения. «Прямым учением просвещённый человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не перестанет никогда учиться, хотя бы Мафусаилов век прожил» [3, с.265]. Потому в 17 летнем возрасте, окончив академию, Феофан отправляется пополнять свой интеллектуальный багаж в Европу, для этого даже выдавая себя за католического монаха. Сначала он учится во Львове, потом в Риме, где он в течение 3-х лет знакомится с философией, поэзией, историей, богословием, красноречием. Он тщательно штудирует многочисленные труды античных и современных авторов в знаменитой Ватиканской библиотеке. Именно там и зародилась горячая любовь Феофана к книгам, любовь, которую он пронесёт через всю свою жизнь.

Феофан не прекращает своего поиска истинных мудрых знаний и после Рима странствует по ведущим университетам Германии, знакомясь с научными взглядами великих европейских философов – Спинозы, Декарта, Лейбница. И только в 1705 году он возвращается в свой родной Киев, где, движимый лучшими побуждениями своей души, принимает монашество, а затем становится преподавателем Киево-Могилянской академии. Знания, полученные им в Европе, были столь обширны, что молодой дидаскал, кроме поэтики, риторики, философии, смог сразу же вести преподавание и тех предметов, которые ранее в академии никогда не читались – физики, арифметики, геометрии. Прокопович проявляет себя не только отличным преподавателем-практиком, но и крупным теоретиком. В частности, он пишет трактаты «Натурфилософия», «Поэтика» и «Риторика». «Поэтика» позднее стала любимой книгой М.В. Ломоносова. А в «Натурфилософии» Феофан «стремится сблизить философию с естествознанием, а естествознание базировать на опыте, эксперименте, разуме» [9, с. 34].

Феофан отличался кипучей, совершенно неукротимой энергией, которая настоятельно требовала реализации, своего осуществления в такой деятельности, которая могла бы пойти на пользу всей стране и всему народу. Поэтому карьера академического учёного не могла успокоить его горячего сердца. И в 1709 году, приехавший в Киев Пётр I, слушает в Софийском соборе потрясшую его проповедь незнакомого священника. Могучий интеллект, глубокая эрудиция и железная воля настолько поразила царя, что он сразу же понял, что именно этот безвестный киевский дидаскал и будет одним из главных его союзников в невероятном трудном деле реформирования огромной страны. С тех пор жизни Петра и Феофана связаны неразрывной нитью. Прокопович сопровождает царя в Прутский поход, после возвращения из которого, его назначают ректором Киево-Могилянской академии и игуменом Киево-Братского монастыря. А спустя некоторое время Пётр вызывает Прокоповича в Петербург. Так бедный сирота становится «главным идеологом петровских преобразований и их неумолимым пропагандистом» [3, с. 269]. И Феофану достаётся одна из самых трудных задач – привлечь к петровским реформам Русскую православную церковь. Прокопович искренне считал, что церковь не должна быть косной, инертной, догматической силой, погрязшей в невежестве, суевериях и праздности.

Церковь должна способствовать усилению мощи, могущества и славы русского государства. Ибо только сильное, современное и просвещённое государство может кардинально изменить жизнь своих граждан в лучшую сторону. Государство предназначено для счастья и благополучия граждан, а граждане на протяжении всей своей жизни должны верой и правдой служить своему государству. И только тогда на Руси может наконец-то наступить счастье и спокойствие для православного народа. Феофан был убеждён, что церковь должна активно участвовать в государственных реформах и всячески способствовать государству в его новых полезных начинаниях. Но государство может проводить необходимые обществу реформы только в условиях полного единовластия, а потому церковь должна пойти на существенное изменение и уменьшение своих властных полномочий, так как иначе в стране из-за двоевластия возникнет нестабильность, и начнутся беды и смуты. Церковь должна существовать ради людей, а не люди ради церкви.

Конечно же, такие радикальные взгляды Прокоповича на взаимоотношения церкви и государства вызывали резкое неприятие клерикальных кругов. Феофан давно раздражал догматиков и фанатиков своей широкой образованностью, жадной самого глубокого познания окружающего мира,

творческим стремлением перенимать открытия, принадлежавших другим странам и другим религиям. Обвинения в ереси и измене православию преследовали Прокоповича всю его жизнь. И даже на высших церковных постах главы Святейшего Синода и архиепископа Новгородского Прокоповичу приходилось отчаянно бороться с этими обвинениями, защищая при этом не столько и не сколько себя, а жизненно необходимые для всей обширной России, для всего великого русского народа реформы и преобразования.

Одним из главнейших условий поступательного развития страны Прокопович считал распространение просвещения. Просвещение для Прокоповича есть «основа исторического развития и общественного благосостояния... оно должно охватывать всю духовную культуру общества» [9, с. 111]. Именно просвещение позволит оценивать человека по его талантам и способностям, а не по происхождению и толщине кошелька. Поэтому даже в самые напряжённые для себя годы Феофан никогда не оставлял деятельности по открытию школ и библиотек, выпуску учебной литературы. Так, Прокопович внёс значительные изменения в программу Киево-Могилянской академии, дополнительно включив в неё такие предметы, как алгебра, геометрия, механика, оптика, география, естествознание, рисование, медицина, сельскохозяйственная экономия. Любимым же детищем Феофана была школа для сиротских детей, открытая им в собственном доме в Петербурге. Все свидетельства современников, а также более поздние исследования, безусловно, свидетельствуют о том, что эта школа была лучшей в России. В неё были приглашены лучшие учителя, в том числе иностранцы, ряд предметов вёл сам Феофан. Прокопович за свой собственный счёт посылал лучших учеников для продолжения обучения в гимназию при Академии Наук или даже за границу. Феофан лично составил школьный регламент, по которому строилась вся работа учебного заведения.

Букварь же «Первое учение отроком...» написанный Прокоповичем, несомненно, был самым популярным букварём России на протяжении всего XVIII века. В период с 1720 по 1724 годы он был издан 12 раз в трёх типографиях. Кроме этого были выпущены 3 издания Букваря на немецком и одно французском языках. В некоторых учебных заведениях он использовался вплоть до середины XIX века. Этот Букварь наряду с обычными грамматическими материалами и молитвами содержал и «тексты, требующие осмысленного и углублённого их изучения». Прокопович считал, что суть образования заключается далеко не в том, чтобы научить детей читать и писать, а суть образования в том, чтобы дать детям правильное и доброе воспитание.

В заключение нельзя не упомянуть об уникальной личной библиотеке Феофана Прокоповича. О ней в те времена ходили самые настоящие легенды. Называлась даже цифра в 30 тысяч книг, что было сравнимо с книжным собранием Библиотеки Академии Наук. На самом деле количество книг в библиотеке Прокоповича, как было подсчитано современными исследованиями, составляло 3205 экземпляров, расположенных по 9 разделам. Это была самая крупная библиотека в России, принадлежавшая частному лицу. Добрая память о выдающемся деятеле Феофане Прокоповиче будет вечно сохраняться в нашей стране, ибо заслуги его перед Россией поистине безмерны.

Создатели русских азбук и букварей XVI – первой четверти XVIII веков внесли огромный вклад в интеллектуальное, культурное, нравственное развитие нашей страны и нашего народа. Их заслуга не только в том, что они дали людям возможность получить начальное образование, научили читать и писать на родном языке, но и в том, что они в значительной степени изменили духовную атмосферу в России. Благодаря их деятельности благодатное просвещение коснулось буквально каждого человека. Образование было выведено из ведения узкого круга церковных деятелей и стало доступно широким народным массам. А человек образованный неизбежно становится не только более интеллектуальным, эрудированным, восприимчивым к окружающему миру, способным адекватно ответить на вызов времени, но и гораздо более совершенным в моральном и нравственном отношении. Но только одного образования человеку недостаточно. Ему необходимо комплексное развитие всех его интеллектуальных и духовных способностей. И здесь разносторонняя гениальность создателей азбук и букварей проявилась в самой полной степени. Высочайшего уровня литература и злободневная общественно-политическая публицистика, страстные церковные проповеди и бескорыстная благотворительность, бесстрашная борьба за сохранение национальной идентичности и серьёзная научная работа, новаторское совершенствование способов и методов книгопечатания и серьёзная переводческая деятельность, открытие доступных школ и

формирование значительных библиотек – всё это самым существенным образом влияло на общую духовную ситуацию в стране, подготавливало серьёзные перемены и в обществе в целом, и в отдельном человеке. Потому что стремление улучшить жизнь рода человеческого, если оно идёт от самого сердца преобразователя и сочетается при этом с его могучим умом и великими талантами, всегда даст самые замечательные результаты.

Литература:

1. *Аверьянова Л.Н.* Буквари в библиотеке имени К.Д.Ушинского [Текст] / Л.Н.Аверьянова // Новое в психолого-педагогических исследованиях: сборник. – М.: МПСИ, 2006. – Вып.1. С.30-41.
2. *Ботвинник М.Б.* Лаврентий Зизаний [Текст] / М.Б.Ботвинник. – Минск: Высшая школа, 1983. – 198 с., ил.
3. *Глухов А.Г.* Ревнители просвещения России X-XVIII вв. [Текст] :учеб. пособие / А.Г.Глухов. – М.: Университетская книга, 2007. – 440 с.
4. *Зёрнова А.С.* Белорусский печатник Спиридон Соболев [Текст] / А.С.Зёрнова // Книга. Исследования и материалы. – М.: Книга,1965. Сб.10. – С.126-145.
5. *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника [Текст] / Я.Д.Исаевич. – М.: Книга, 1981. – 191 с., ил.
6. История русской церкви [Текст]: в 8 кн./ Макарий (Булгаков), И.К.Смолич. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 8. Ч.1 / И.К.Смолич, 1996. – 800 с.,ил.
7. *Кацпржак Е.И.* Первпечатник Иван Федоров [Текст] / Е.И. Кацпржак.– М.: Книга, 1964. – 96 с., ил.
8. *Немировский Е.Л.* Иван Федоров. Около 1510-1583 [Текст] / Е.Л.Немировский. – М.: Наука, 1985. – 320 с.,ил.
9. *Ничик В.М.* Феофан Прокопович [Текст] / В.И.Ничик. – М.: Мысль, 1977. – 192 с. (Мыслители прошлого).
10. *Осинский А.С.* Мелетий Смотрицкий. Архиепископ Полоцкий [Текст] / А.С.Осинский. – Киев: [б.и.], 1912. – 272 с.